

АКТУАЛЬНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К ВОПРОСУ ОБ АВСТРАЛИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А.А. Анахаева

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В данной статье раскрывается понятие «национальный вариант», анализируется процесс становления австралийского национального варианта английского языка, описываются его языковые особенности.

Ключевые слова: «австралийский английский», национальный вариант, австрализм, диалектология.

Национальные особенности того или иного языка уже давно привлекают к себе пристальное внимание.

В начале 60-х гг. XX в. были сформулированы основные теоретические положения о национально неомогенном языке как системе его национальных вариантов и определены основные черты национального варианта единого языка (Г.В. Степанов, А.Д. Швейцер, А.И. Домашнев, Д. Брозович). Успеху разработки теории национального варианта способствовало развитие теории литературного языка, основывающейся на системе и норме языка и изучающей как внутреннюю организацию языковых систем, так и многообразные связи языковых систем с обществом, которое они обслуживают.

Одним из важнейших признаков и свойств национального варианта является общественная функция, выполняемая им в самостоятельном национальном коллективе: обучение в школе, использование на радио и телевидении, в кино и театре, применение в делопроизводстве, издании газет, журналов, книг и т.д. — практически и юридически функции национальной формы единого языка тождественны функциям отдельного омогенного языка.

Так, А.Д. Швейцер понимает под национальным вариантом языка совокупность территориально ограниченного варианта литературного языка и распространенного в пределах его ареала интердиалекта и территориальных диалектов [5].

На современном этапе в отечественной лингвистике исследованиями диалектов в романо-германских языках занимается известный ученый Н.Ф. Михеева, которой впервые в отечественной лингвистике разработано новое направление — межвариантная диалектология, где рассматривается вопрос изучения диалектов разных языков [1].

Английский язык представляет собой далеко неоднородную структуру в силу широкого распространения в мире. Английский язык развивался на Британских островах как единый национальный язык до XVII в., когда началось освоение Нового Света. Распространение английского языка продолжилось с открытием и освоением Австралии и Новой Зеландии, Южной Африки и других стран.

Вслед за этническим обособлением произошла и языковая дифференциация. Территориальная вариативность английского языка дополнилась национально-территориальной вариативностью. В каждом государстве сформировался свой особый национальный вариант. Каждый из национальных вариантов обладает как общими особенностями на всех языковых уровнях (лексическом, грамматическом и фонетическом) единой системы языка, так и специфическими чертами во всех своих аспектах.

Интерес к изучению «австралийского английского» и других национальных вариантов английского языка диктуется рядом причин, среди которых можно назвать, с одной стороны, культурную «экспансию» английского языка во всемирном масштабе, способствующую появлению его новых вариантов, с другой стороны, разрушению прежних стереотипов.

Австралийский национальный вариант английского языка не занимает подчиненного положения по отношению к английскому языку в Великобритании, как это свойственно территориальным диалектам, он не ограничен сферой бытовой устной речи.

Современная языковая политика в Австралии обеспечивает государственную поддержку не только английскому языку как доминирующему по количеству говорящих и социальной роли, которую он (английский язык) выполняет, но и всем остальным языкам, распространенным на территории страны [3].

История развития «австралийского английского» насчитывает немногим более двух столетий и ведет отчет со времени проявления ссыльных на территории современного Нового Южного Уэльса (штат Австралии). Развитие и становление «австралийского английского» отличалось значительной сложностью и неравномерностью. Наибольшая интенсивность процессов его формирования приходилась на XIX в.

Важная черта, характеризующая языковую ситуацию в XIX в. — наличие небольшого числа носителей стандартного английского языка (представителей интеллигенции, миссионеров). Социальные условия в тот период были неблагоприятны для распространения литературного языка. В стране властвовал тюремно-средневековый режим (недаром в то время пятый континент называли *jail on a large scale* — громадной тюрьмой). Австралию той поры характеризовал низкий уровень материальной и духовной культуры, отсутствие национальной литературы [6]. Подобные факты не могли не способствовать огрублению нравов и языка.

Двухвековое существование Австралийского доминиона, оторванного от метрополии несколькими тысячами миль, а также слабая культурная связь с метрополией, с одной стороны, и все возрастающее чувство национального самосознания, с другой, безусловно, наложили свой отпечаток на словарный состав, произношение, грамматический слой английского языка в Австралии. К концу XIX в. «австралийский английский» приобрел специфические национальные черты, благодаря которым он отличался от английского языка в Англии [2].

Расстояние и изолированность от других стран и континентов — два главных фактора, влияющих на жизнь и развитие «австралийского английского».

Пополнение населения Австралии, постоянный процесс иммиграции, перемещение больших масс населения из одних мест в другие приводили к нивелированию языковых особенностей разных групп говорящих, к той унификации, которая является необходимым условием образования единого языка. Именно поэтому некоторые исследователи считают 50-е гг. XIX в. началом самостоятельного развития австралийского национального варианта английского языка [4].

Некоторое воздействие на «австралийский английский» оказали языки австралийских аборигенов, сказавшееся преимущественно в названиях животных, растений и географических названиях.

Английский язык на всей территории материка неоднороден. Стоит проехать по разным австралийским городам, и выяснится, что «австралийский английский» везде имеет свои отличия. Здесь наблюдается наличие местных территориальных диалектов. Существуют лексические единицы, значения или оттенки которых различаются в зависимости от района страны.

Принято выделять на основе диалектических признаков три разновидности австралийского национального варианта английского языка:

— Cultivated — культивированный диалект, на котором говорит примерно 10% населения страны, на него все чаще оказывает огромное влияние Received Pronunciation («правильное» произношение);

— General — общий диалект, на котором говорит большинство населения;

— Broad — «широкий» диалект необразованной части населения с выраженными отступлениями от стандартного английского языка в фонетике, лексике и грамматике.

Смешение разных диалектов и языков в «австралийском английском» привело к появлению австрализмов.

Обратимся к трактовке термина «австрализм». К примеру, У. Рэмсон (1966) причисляет к «колоритно австралийским словам» те лексические единицы, употребление которых характерно и для других вариантов английского языка. С. Бейкер считает, что наиболее отчетливо австралийский элемент проявляется именно в субстандартных слоях лексики.

По мнению отечественного ученого-лингвиста Г.А. Орлова [2], австрализм — единица любого уровня языка, принадлежащая системе «австралийского английского», которая либо отсутствует в системе «британского английского», либо отличается в любой степени от существующей единицы в «британском английском» по одному или нескольким аспектам.

Австрализмы (или австралийский элемент) — сложное образование, являющееся ограниченной частью литературного словаря австралийцев и пронизывающее лексическую ткань субстандартных слоев лексики [2].

Австрализмы составляют небольшую, но яркую часть лексического фонда «австралийского английского». Точное их количество трудно назвать, поскольку лингвисты по-разному интерпретируют данное понятие и включают в него различные языковые единицы. Одними из первых, кто попытался систематизировать австрализмы, были лексикографы Дж. Лейк и Е. Моррис. Так, Дж. Лейк выделяет 5 классов маркированных лексических единиц: 1) местные заимствования, например, wallaroo — лесной кенгуру, koala — сумчатый медведь; 2) новые слова или выражения, образованные колонистами на основе существующих слов в английском языке, например, arvo — afternoon, abo — aboriginal; 3) провинциальные слова; 4) общенаучная терминология; 5) слова и выражения, семантически отличающиеся от тех же слов в британском варианте английского языка, например, station — ферма (BE — вокзал), wattle — акация (BE — плетень), swag — пожитки, личные вещи (BE — нижнее белье).

Анализ лексикографических источников позволил Г.А. Орлову утверждать, что максимальной концентрацией австрализмов обладают следующие тематические группы:

- 1) название страны (Австралия — The Land of the Wattle, Aussieland, Kangarooland), городов (г. Перт — Swan City, Брисбен — Banana City);
- 2) естественно-географической среды;
- 3) флоры и фауны (gum, wattle, echidna, platypus); образа жизни людей (обычаи, спорт): Aussi rules, home unit;
- 4) внутренней части страны, а именно: bush, outback, inland;
- 5) сельского хозяйства: station (ферма), cockatoo (мелкий фермер).

Данные лексико-семантические группы являются основными слоями лексики, которые наиболее ярко выражают своеобразие английского языка в Австралии.

С середины XX в. австралийский вариант английского языка стал восприниматься как равноправный национальный вариант английского языка, как язык одного из ведущих экономических, политических и культурных центров. Параллельно с укреплением позиций складывающейся литературной нормы возросло число работ, авторы которых стремились доказать, что австралийский национальный вариант английского языка — это не искаженный, неправильный или вульгарный английский, не нечто второстепенное и менее значительное по отношению к британскому варианту, а самостоятельный национальный вариант, имеющий свою историю развития, и потому уникальный, не имеющий аналогов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Михеева Н.Ф.* Межвариантная диалектология испанского языка. — М., 2007.
- [2] *Орлов Г.А.* Современный английский язык в Австралии. — М., 1978.
- [3] *Ощепкова В.В.* Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. — М., 2006.

- [4] *Шахбагова Д.А.* Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии (на материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка). — М., 1992.
- [5] *Швейцер А.Д.* Литературный язык в США и Англии. — М., 1971.
- [6] *Dorsch T.* Some Australian Take Stock. — L.: OUP, 1939.

TO THE PROBLEM OF THE AUSTRALIAN NATIONAL VARIANT OF ENGLISH LANGUAGE

A.A. Anakhaeva

Department of foreign languages
The Faculty of Philology
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

There is enlarged the notion “national variant” in the article, it is marked the process of becoming the Australian national variant of English language and it is described its language features

Key words: Australian English, national variant, australism, dialectology.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

С.А. Архипова

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Данная статья посвящена проблеме адекватного перевода рекламного текста. Перевод должен осуществляться с учетом национальной лингвокультурной специфики и вызывать положительные ассоциации у носителей языка. Это будет способствовать успешному продвижению товара на зарубежном рынке.

Ключевые слова: межкультурное общение, рекламный текст, перевод, культурно-языковые особенности.

Выявление и изучение культурно-языковых особенностей рекламы, а также нахождение метода перевода рекламных текстов на иностранные языки требует пристального внимания со стороны ученых. Это связано с тем, что в последнее время рекламные тексты приобрели статус одного из основных средств межкультурного общения в связи с экономическими процессами [6].

Основным критерием понимания характерных черт рекламного подъязыка является способность правильно воспринимать и адекватно переводить рекламные тексты и названия торговых марок. Как известно, существует несколько основных подходов к пониманию переводческой эквивалентности.

Во-первых, концепция формального соответствия, когда передается все, что поддается передаче, вплоть до структуры исходного текста. Этот принцип применим только для транскрибирования или транслитерации названий торговых марок, но не для перевода слоганов. Во-вторых, концепция нормативно-содержательно-го соответствия, когда эквивалентность предстает как баланс точной передачи элементов содержания исходного текста и соблюдения норм переводящего языка. Для рекламных текстов нормативность языковых средств желательна, но не является сверхзадачей. Поэтому чем полноценнее перевод передает «эмоциональный посыл», заложенный создателем рекламы в текст, тем более качественным его можно считать.

Наиболее эффективно выполняет эту задачу перевод рекламного сообщения в соответствии с концепцией динамической (или функциональной) эквивалентности. Понятие динамической эквивалентности введено в лингвистику американским ученым Ю. Найдой, который предложил устанавливать полноценность перевода не путем сравнения исходного текста с текстом перевода, а сопоставления реакции получателя переводного текста и получателя текста на исходном языке [2].

Реклама является одним из самых действенных средств массовой коммуникации.

Родство рекламы с текстами массовой информации определяется их общими функциями, так как в обоих случаях основная цель сообщения заключается в воздействии на адресата. Однако способы передачи рекламного сообщения, их тематика, композиция, стратегии, а также способность рекламы соединять в себе многие другие разновидности словесности (устные и письменные сообщения, письма, документы, газетные и журнальные статьи, тексты информатики) превращает рекламу в особую форму массовой коммуникации.

Любой рекламный текст следует при переводе рассматривать прежде всего с точки зрения его коммуникативной ценности. Сила воздействия, экспрессия, способность вызвать строго определенную ответную реакцию у реципиента будут признаками правильной передачи текста на переводящем языке.

Переводчику рекламы следует рассматривать любой текст такого рода не как цель, а как средство коммуникации между производителем и потенциальным потребителем.

Перевести название торговой марки, на первый взгляд, может показаться наименее проблемным заданием. Есть общепринятые методы транскрипции и транслитерации иноязычных слов (хотя второй способ применяется на современном этапе довольно редко). Однако нельзя забывать о таком важном явлении, как иноязычная омонимия. Транскрипция иноязычного имени может оказаться омонимом вульгарного, неприличного или комичного слова на языке перевода. Это может придать пародийный, карикатурный характер серьезному персонажу или явлению [5].

Данное предостережение особенно важно для рекламных текстов. Нельзя надеяться на успех рекламной компании, если название бренда или отдельного продукта будет вызывать у носителей того или иного языка ответные реакции, на которые производитель не делал ставку. Возможно, у потребителя возникнут какие-либо положительные ассоциации с продуктом, на которые производитель не рассчитывал. Однако чаще случается наоборот.

Как справедливо отмечает Н.Ф. Михеева, развитие межкультурной компетенции становится возможным только при условии сформированности коммуникативной компетенции, которая охватывает речевые и языковые способности личности [3].

Переводчик, помимо понимания «духа» той или иной торговой марки, и, естественно, хорошего владения языком исходного текста, должен обладать способностью предвидеть коммуникативный эффект рекламного сообщения на языке перевода. Л.К. Латышев пишет об этом так: «Вычитывая из своей индивидуальной реакции на исходное сообщение моменты, обусловленные личными убеждениями, взглядами, вкусами, личным жизненным опытом, переводчик получает лингвостилевую реакцию, которая в силу его высокой языковой компетентности в значительной степени приближается к усредненной реакции языкового коллектива» [1].

Говоря об особенностях подязыка рекламы, частое использование идиом является одним из способов создания яркого эмоционального образа. Как известно,

буквальный перевод идиоматических выражений недопустим. Можно лишь подбирать более или менее близкие к оригиналу эквиваленты в языке перевода. Исходя из вышеуказанной теории динамической эквивалентности переводчик рекламы должен не только находить как можно более точный эквивалент фразеологизма, но и предвидеть лингвоэтническую реакцию реципиента рекламного текста.

Что касается испаноязычного рынка, он чрезвычайно перспективен, однако для того, чтобы эффективно работать на нем, предпринимателям необходимо понять, действительно ли у них есть те продукты или услуги, которые необходимы испаноязычному сообществу, которые смогут удовлетворить запросы этих потребителей. Кроме того, важно определить, удастся ли организовать продвижение этих товаров и услуг таким образом, чтобы она соответствовала культурным традициям этой диаспоры. Бизнесмены также должны понимать, что для успешной работы на испаноязычном рынке им может потребоваться консультация людей, владеющих испанским языком.

Когда Совет производителей молока Калифорнии (СМРВ) запустил свою первую рекламную кампанию на испанском языке, им пришлось адаптировать свой широко известный слоган «У вас есть молоко?» («Got Milk?») специально для новой аудитории. Это оказалось далеко не таким простым делом, как может показаться на первый взгляд, и аналитикам Совета пришлось долго работать над тем, чтобы сделать свою кампанию эффективной. Дело в том, что на испанском языке фраза «У вас есть молоко?» может быть понята не только как вопрос о молоке в холодильнике, но и как вопрос о наличии молока у кормящей матери. Кроме того, для испанских женщин мысль о том, что у них дома может кончиться еда, или, например, молоко, вовсе не кажется забавной. Таким образом, идея «молочного дефицита» не могла сработать на этом рынке. Поэтому был использован другой, более традиционный подход, основанный на «стратегии поколений». Разработанная аналитиками кампания основывалась на слогане «¿Usted, ¿Le dio suficiente leche hoy?» («А Вы, дали ли Вы им сегодня достаточно молока?»), причем в ней широко обыгрывались домашние рецепты, основным компонентом которых было именно молоко. Позже стратегию расширили, изменив слоган на «Familia, Amor y Leche» («Семья, любовь и молоко»), таким образом позиционируя молоко как важную часть семьи и испаноязычной культуры [2].

Однако зачастую даже очень крупные компании допускают ошибки, выпуская свои бренды на локальные рынки. Вот несколько примеров.

Всемирно известная автомобильная компания Ford выпускала недорогой грузовик Fietta, предназначенный для развивающихся стран, однако он плохо продавался в Латинской Америке. Дело в том, что испанское «fietta» означает «старуха».

Чем менее частотным является слово, тем больше потребуются усилия при его передаче на языке перевода. Необходимо сохранить тот «шлейф значений», который помогает производителю раскрыть суть образа своей продукции. Менее всего поможет здесь транслитерация [7]. Для иллюстрации можно привести

пример компании Sunbeam. Представляя на рынке Германии щипцы для завивки волос с функцией пара, менеджеры не стали менять название прибора и оставили английское Mist-Stick. Знающие английский язык прекрасно знают, чем отличаются английские «varour» от «mist». Первое чаще встречается в технических и научно-популярных текстах в значении «пар». Второе же тянет за собой целую вереницу далеко не эмоционально нейтральных понятий — «мгла, дымка, туман, изморось». Товар, явно рассчитанный на женскую целевую группу, только выигрывает от такой образности. Но в действительности вышла комичная ситуация. Дело в том, что «mist» по-немецки — «удобрение, навоз». Выходит, лучше было остановиться на «varour», более или менее характерном для всех европейских языков [8].

Компания General Motors пыталась продвинуть на испаноязычных рынках свой автомобиль Chevrolet Nova, но потерпела фиаско. Так как «No va» означает «Не движется». И это сыграло решающую роль.

Случаются и комичные ситуации. Parker также попыталась перевести свой слоган на испанский. Ее реклама ручки на английском звучит как «It won't leak in your pocket and embarrass you» («Она никогда не протечет в Вашем кармане и не причинит Вам неудобств»). Переводчик ошибся и перепутал два испанских слова. В результате, рекламная кампания Parker в Мексике проходила под слоганом «Она никогда не протечет в Вашем кармане и не сделает Вас беременным».

Когда Coca-Cola впервые пришла в Китай, компания решила не менять названия торговой марки, но эти слова на китайском означают: «Укусите головастика». Ее главный конкурент — компания Pepsi — дословно перевела на китайский язык свой рекламный девиз «Живи с Поколением «Пепси» («Come Alive With the Pepsi Generation»). Китайцы были шокированы: при переводе слоган приобрел неожиданное звучание: «Пепси заставит ваших предков подняться из могил».

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что эффективный перевод рекламы связан с прогнозированием лингвоэтнической реакции получателя текста на языке перевода; важно опираться на знание особенностей национальной психологии и различий в культурно-исторических традициях.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Латышев Л.К. Курс перевода. — М.: Международные отношения, 1981.
- [2] Медведева Е. Основы рекламоведения. — М.: РИП-Холдинг, 2003.
- [3] Михеева Н.Ф. Испанский язык и межкультурная коммуникация. — М.: Изд-во УРСС, 2008.
- [4] Николенко Г.А., Гулакова И.А. Лингвистические характеристики рекламных текстов и способы их перевода. — М., 2000.
- [5] Флорин С. Муки переводческие. — М.: Высшая школа, 1983.
- [6] Business Week. — № 25 (176). — 2003. — 24 июня. Учимся продавать на испанском языке.
- [7] Hawkins Del I., Best Roger J., Coney Kenneth A. Consumer behaviour. — Richard Irwin Inc, 1995.
- [8] Hollett Vicki. Business Opportunities. — Oxford University Press, 1997.

THE PECULIARITIES OF TRANSLATING THE TEXTS OF ADVERTISMENT

S. Arkhipova

The department of foreign languages
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article is dedicated to the problem of the adequate translation of commercials. The national lingual and cultural peculiarities must be taken into consideration, and the translation must arouse native speakers' positive feelings. This will ensure the successful promotion of goods in the foreign market.

Key words: intercultural communication, advertising text, translation, cultural and linguistic characteristics.

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА*

Е.С. Аскарова

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается явление прецедентного текста на примерах художественных произведений испанской литературы. Автор анализирует характер взаимосвязи между прецедентным и презентным текстами.

Ключевые слова: прецедентный текст, презентный текст, исходный текст, аллюзия, синтагматика текстов.

Для того чтобы разобраться в многообразии текстов, существующих в языковом пространстве (в чем мы видим одну из задач текстологии), необходимо проследить характер взаимосвязи между ними. С точки зрения синтагматики текстов в данной статье речь будет идти об особом виде текста, а именно — прецедентном.

Что можно считать прецедентным текстом? Прецедентом чего является такой текст, и с чем он непосредственно взаимосвязан? В литературе встречается не одно определение понятия «прецедентный текст», как, например, следующее: «Прецедентные тексты — это хрестоматийные, общеизвестные тексты, воспроизводимые в других художественных произведениях, в речи людей высокой культуры» [1]. Другими словами, прецедентный текст — это тот текст, на который буквально или косвенно ссылается говорящий или автор, при этом в данной речевой ситуации или в данном контексте он известен слушающему или читателю. В нашем понимании тот текст, который отсылает нас к прецедентному, может выполнять роль аллюзии, то есть «намекать» на сходство или какое-либо отношение к предшествующему, т.е. прецедентному, тексту.

В существующей научной литературе не было обнаружено специального термина для обозначения такого текста, поэтому для передачи данного значения мы предлагаем ввести понятие *презентного текста* (от англ. present — «настоящий, текущий, данный»).

В статье мы постараемся рассмотреть и проанализировать несколько случаев, при которых, на наш взгляд, уместно говорить о явлении прецедентного текста. Первый случай, где, помимо наличия прецедентного текста (ПцТ) и презентного текста (ПзТ), также имеет место третий компонент — *исходный текст* — в значении объединяющего их элемента. Обратимся к анализу художественной литературы, а именно — роману Х.Х. Мильяса «Мир».

Роман состоит из четырех глав и эпилога. Третья по счету глава посвящена истории отношений автора, повествующего от первого лица, и его возлюбленной Марии Хосе. На протяжении повествования автор стремится к объективному опи-

* Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», Гос. контракт № 14.741.11.0052.

санию: он рассказывает об их завязавшемся в детстве знакомстве, о его тщетных попытках привлечь внимание девушки и ухаживать за ней в подростковом возрасте, о нескольких случайных встречах в молодости и зрелой жизни.

Хуан и Мария Хосе так никогда и не стали парой, однако писатель не углубляется в описание своих внутренних переживаний и мыслей по поводу его отношения к девушке, он, словно наблюдатель со стороны, лишь констатирует факты, описывая ситуации, где действующими лицами являются эти двое людей, избегает психологического анализа событий, лишь поверхностно затрагивая свои чувства, как бы обозначая их наличие. Читателю приходится догадываться о том, какое все-таки место занимает она в его жизни, насколько велика его любовь к ней. Автор также не объясняет истинные причины того, почему они не могут быть вместе.

Суть рассказа заключена в его последней фразе: «Один из них жил в неправильном измерении» (*“Uno de los dos vivía en la dimensión equivocada”*) [2]. Автор не останавливается на подробном толковании аллегории, однако дает возможность читателю самому понять причину несложившихся отношений между ним и его возлюбленной: им не суждено было быть вместе не в силу каких-либо конкретных обстоятельств. Причина тому оказалась довольно абстрактной, лежащей где-то в глубине сознания их обоих: различное мировоззрение и несоответствие их внутренних миров.

Именно с помощью приема аллегории автор передает свое субъективное отношение к ситуации, трансформируя объективное описание действительности в нарисованную фантазией картину, созданную по аналогии с реальной чередой событий. В данном случае аллегоричный рассказ выполняет роль презентного текста по отношению к исходному, то есть всему предыдущему повествованию в романе. Основой для аллегории служит та часть исходного текста, которая находит свое отражение в презентном тексте, именно она и является прецедентным текстом. Эту ключевую мысль можно выразить посредством следующей схемы (рис. 1).



Рис. 1

Итак, мы видим, что презентный текст отсылает нас к исходному тексту, а именно к той его части, которая имеет нечто общее с аллгорией. Другими словами, аналогия строится на сопоставлении: в данном случае — аллегоричный рассказ является эссенцией предшествующего повествования об отношениях двух людей, преподнесенной автором в видоизмененной форме, но с сохраненной логической структурой.

В данном случае презентный текст является *дополнением* к исходному тексту. Логично утверждать, что само явление прецедентного текста невозможно без наличия презентного текста и, наоборот, что говорит об их неразрывной взаимосвязи. Таким образом, совокупность этих двух текстов способствует более глубокому пониманию содержания исходного текста. То, что написано между строк в прецедентном тексте, материально выражено в презентном, но в фигуральном значении.

Рассмотрим пьесу А. Касона «Деревья умирают стоя», в которой поднимается извечный вопрос о том, что лучше: горькая правда или сладкая ложь? Пожилая женщина многие годы ждет возвращения своего внука, который в действительности является преступником, о чем она и не догадывается, поскольку получает, как будто бы от него, письма с рассказами о своей благополучной жизни. На самом же деле эти письма — фальшивые, и пишет их ее муж, так как знает, что силы жить ей придает лишь вера в возвращение их внука.

По его просьбе, дабы доставить старушке радость на закате лет, главные герои пьесы притворяются счастливой семейной парой, выдавая себя за внука и невестку.

Они приезжают погостить, где на протяжении нескольких дней играют спектакль для чужой бабушки, которая преображается буквально на глазах, снова чувствуя радость жизни.

Кульминацией пьесы является нарушающий семейную идиллию внезапный приезд настоящего внука, вымогающего у родного дедушки деньги, угрожая рассказать бабушке правду об их замысле. Однако пожилая женщина сама обо всем догадывается и прогоняет настоящего внука. Теперь приходит ее черед притворяться перед молодыми людьми: она набирается сил сделать вид, что ни о чем не подозревает, и признается мужу, что дни, проведенные с мнимыми внуком и невесткой, были самыми счастливыми в ее жизни.

Состояние женщины после тяжелого разочарования в родном внуке передано в ее реплике: «Я разбита, но буду твердо стоять на ногах. Как деревья, которые умирают стоя» (“Muerta por dentro, pero de pie. Como un árbol”) [3]. Она не хочет показать истинные чувства людям, которые вернули ее к жизни, пусть и с помощью обмана и притворства. Она достойно и невозмутимо принимает горькую правду. Сказанная ею реплика возвращает нас к беседе главных героев, выдающих себя за других, которые рассуждают о том, что ценнее: действительность как она есть, или реальность, созданная искусственно. Один из них приводит следующий аргумент в пользу «сладкой лжи»: «...умерев стоя и безмолвно, дерево никогда больше не напомнит о себе, не распустит цветов на своих ветвях, не отбросит тени. Но если бы оно оказалось написанным на холсте, то осталось бы живым навечно» (“...hoy vale porque da flor y sombra, pero mañana, cuando se muera como mueren los árboles, en silencio y de pie, nadie volverá a acordarse de él. En cambio si lo hubiera pintado un gran artista, viviría eternamente.”) [3].

Выдержав удар, героиня пьесы предпочла принять ужасную правду с гордо поднятой головой. И пусть деревья умирают, а не живут вечно, но с достоинством и благородством, не поддаваясь соблазну пленительной лжи, обещающей взамен бессмертие.

Проблема выбора между горькой правдой и сладкой ложью лежит в основе произведения, и последнее слово в споре, затеянном молодыми людьми, остается за пожилой женщиной. Ее реплика: «Я разбита, но буду твердо стоять на ногах. Как деревья, которые умирают стоя» является презентным текстом, отсылающим нас к прецедентному — разговору, в котором впервые упоминается метафора, связанная со смертью деревьев.



Рис. 2

Таким образом, реплика героини является не дополнением к исходному тексту, а его косвенным логическим *продолжением*, то есть развитием сюжета. На данном примере мы видим, что конфликт не был бы исчерпан без презентного текста, который поставил точку в произведении.

Следует подчеркнуть, что описанные в вышеприведенных примерах механизмы взаимосвязи ПцТ и ПзТ функционируют именно в рамках одного произведения (или акта коммуникации).

Теперь перейдем к следующему виду синтагматических отношений между ПцТ и ПзТ, когда при наличии взаимосвязи данных двух видов текста отсутствует третий компонент — исходный текст (исключительно в значении объединяющего их элемента). Речь идет о цитации, которую также можно рассмотреть с точки зрения анализируемой нами проблемы. Первоисточник — это прецедентный текст, конкретная цитата — презентный. Примером может послужить любой текст, содержащий заимствованную цитату.

Безусловно, в данной статье мы не охватили всего разнообразия рассматриваемой проблемы и не указали на все тонкости этого вопроса. Однако ее общий анализ позволяет нам прийти к заключению, что необходимо четко обозначить границы этого поля, определив языковые объекты, лежащие в рамках данной проблемы, и проследить характер их взаимосвязей, что, разумеется, требует дальнейших научных исследований в области текстологии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бирюкова Т.Г. Анализ и синтез текста: Учебное пособие. — Елец, 2007.
- [2] Millás J.J. El Mundo. — М., 2009.
- [3] Casona A. Los árboles mueren de pie. — М., 2007.

ON THE ISSUE OF THE PRECEDENT TEXT

E.S. Askarova

The department of foreign languages
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article deals with the problem of the precedent text. The issue is studied by way of examples taken from the Spanish literature. The interconnection between the precedent and the present texts is analyzed.

Key words: precedent text, present text, base text, allusion, text syntagmatics.

О КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ИДИОМ ПО ВИДАМ ВЫРАЖАЕМЫХ ИМИ ЧУВСТВ В РУССКОМ, ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ф.А. Ахмедова

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящается вопросу классификации глагольных идиом. Автор выделяет три категории глагольных идиом, выражающих чувства, проводя сравнительный анализ в трех языках. Особое внимание уделяется категории идиом — носителей положительных чувств, что проиллюстрировано примерами из художественной литературы.

Ключевые слова: глагольные идиомы, классификация, положительные эмоции, сравнительный анализ, чувство любви.

Существует мнение о том, что наш огромный и разнообразный мир обязан своим существованием именно положительным чувствам [8]. С этим невозможно не согласиться, помня, что человеческие эмоции могут и созидать, и разрушать мир. Однако анализ многочисленных примеров, полученных из наблюдений, словарных источников и материалов выборки, показывает, что языковых средств, выражающих отрицательные чувства, гораздо больше, чем средств, выражающих положительные чувства. Основной перечень чувств включает в себя около 70 основных чувств, не исчерпывающих всего разнообразия и всех оттенков эмоциональных состояний человека. Существует много оттенков злости, радости, гнева и любви, которые иногда обозначаются одним наименованием, а иногда — разными наименованиями, представляющими оттенки одного и того же чувства.

Обширное поле деятельности в лингвистике для глубокого изучения языковых средств разделения чувств на положительные и отрицательные отражено во фразеологизмах, напрямую связанных с мышлением и языком.

Так как в любом языке основной удельный вес приходится на глагольные фразеологизмы, то из результатов сравнительного анализа мы пришли к выводу, что глагольные фразеологизмы по видам выражаемых ими чувств можно разделить на три категории: выражающие положительные чувства, выражающие отрицательные чувства и выражающие состояние человека. Каждая из категорий содержит в себе несколько групп, состоящих из цепей, выражающих синонимичные чувства. Под синонимией чувств подразумевается совпадение фразеологизмов по семантическому признаку и по языковому содержанию. К примеру, наибольшей в категории положительных чувств является группа, выражающая чувство любви: *любовь — симпатия — благосклонность — расположение — обожание — нежность — очарование — благоговение — преданность — верность — восторг — восхищение — теплота — слабость — страсть — влечение — желание — привязанность — доброжелательность — дружба*.

Положительная эмоция является результатом душевного удовлетворения, связанного непосредственно с тремя понятиями — отношением, настроением и характером. К числу важнейших положительных чувств относится любовь. Любовь — дорогая, священная человеческая ценность. Она выражает привязанность индивида ко всему окружающему и, конечно же, к людям. Существует большое разнообразие выражаемых любовью эмоций — симпатия, сестринская или братская любовь, материнская любовь, страсть, влечение, теплота и т.д. и, соответственно, существует множество языковых выражений этого чувства [2].

На основании материалов пяти изученных словарей (русского языка, русской фразеологии, толковых и семантического) нами было выявлено около 300 ФЕ со значением любви. Из них более половины составляют глагольные фразеологизмы (около 160). В подавляющем большинстве глагольным идиомам со значением любви свойственны эмоционально-экспрессивные особенности, метафоричность (*без ума, по уши, на руках, горячо и т.д.*), использование в своем составе эмоциональной лексики (такие слова, как *таять, сгорать, безумно, вспыхнуть, беспамятство, вечно* и др.), соматических слов (*сердце, глаза, уши, голова, руки*) и пояснительных сочетаний (*от любви, на сердце, в душу, по душе, по сердцу*) [1].

Понятие любви в сопоставляемых языках непосредственно связано с некоторыми определенными словами. Особенно широко и универсально в этой связи ассоциируется с этим чувством слово *сердце (душа)* в русском языке и его эквиваленты в сравниваемых языках. В русском языке приблизительно 15% ФЕ со значением любви содержат в своем составе лексему *сердце (душа)*. Приведем примеры устойчивых глагольных сочетаний, выражающих многообразную палитру чувства любви: *овладеть сердцем, заронить в душу зерно любви, полонить сердце, быть по сердцу, любить до боли в сердце, войти в сердце, покорить сердце, не чаять души, прикипеть сердцем, быть по душе, любить всем сердцем, испытывать сердечное влечение, отдать сердце, зазнобить сердечко, открыть сердце* и т.д.

Использование глагольных фразеологизмов, выражающих чувство любви, с обязательным содержанием в своем составе слов *сердце* и *душа*, чрезвычайно распространено в поэзии и художественной литературе:

Поражать в сердце

Я искал уединения: я только что был поражен в сердце одной молодой вдовой, с которой познакомился на водах [И.С. Тургенев. Ася].

Наполнять сердце

Она думала о другом, она видела его и чувствовала, как ее сердце при этой мысли наполнялось волнением и преступною радостью [Л.Н. Толстой. Анна Каренина].

Пленить сердце

Вы жениться не хотите? Разве падчерица моя не довольно пленила ваше сердце? Она столько постоянна! [Д.И. Фонвизин. Бригадир].

Примечательно, что и в таджикском, и в английском языках существует та же тенденция в художественной литературе и поэзии при выражении чувства любви использовать слова *дил* (в переводе с таджикского — «сердце», «душа») или *heart* (сердце). В таджикском языке слово *дил* используется практически во всех примерах глагольных идиом, выражающих чувство любви, где ему отводится роль доминанты. В одном только словаре «Фарханги ибораҳои рехта» М. Фазылова

при помощи данного слова образовано свыше 250 фразеологических словосочетаний. Можно однозначно прийти к выводу, что понятия «любить», «влюбляться» или «быть любимым» в таджикских фразеологизмах выражаются, главным образом, посредством доминирующего слова *дил*. Нет необходимости комментировать такие примеры, как *дил бурдан* (буквально: *увести сердце*) или *дил додан* (буквально: *отдавать сердце*), оба употребляются в общем смысле *полюбить*.

Ниже приводим примеры из современной таджикской литературы:

Дилдода шудан

Хамин тавр ин ду чавон ба як дигар дилдода шуданд. ‘Таким образом, эти двое молодых отдали свои сердца друг другу’ [Рахим Джалил. Дудилдода].

Дили касеро ба даст овардан

Ман мехоҳам Нигинаро ба Мансур бахшида бо ин восита дили уро ба даст овара. ‘Отдав Нигину Мансуру, я хочу таким путем завладеть ее сердцем’ [Сатим Улугзода].

Английский язык также богат синонимикой фразеологизмов, выражающих многогранное чувство любви. Так, *love blindly* буквально: любить слепо = *обожать*; *have a crush on somebody* буквально: иметь страсть по кому-либо = *сильно увлекаться кем-либо*; *be fathoms deep in love* буквально: быть морской саженью глубоко в любви = *быть безумно влюбленным*; *be over head and ears in love* буквально: быть сверх головы и ушей в любви = *быть влюбленным по уши*; *be up to the ears in love* буквально: быть вплоть до ушей в любви = *быть по уши влюбленным*.

Для английских глагольных идиом так же, как и для русских и таджикских, распространенное явление — использование в их составе слова *heart*: *win (=gain) somebody’s heart* буквально: побеждать чье-либо сердце = *добиться чьей-то любви*; *be close to somebody’s heart* буквально: быть близким чьему-либо сердцу = *быть дорогим кому-либо*; *steal somebody’s heart* буквально: украсть чье-либо сердце = *влюбить кого-либо в себя*; *take somebody’s heart leap* буквально: заставить чье-либо сердце прыгать = *заставить чье-либо сердце трепетать*; *lie near one’s heart* буквально: лежать рядом с чьим-либо сердцем = *быть по сердцу*.

Так же, как и в сравниваемых языках, чувство любви широко освещается в английской и американской художественной литературе и поэзии:

Lose one’s heart to somebody (отдать свое сердце кому-либо).

Tess’s heart ached. There was no concealing from herself the fact that she loved Angel Clare, perhaps all the more passionately from knowing that the others had also lost their hearts to him. ‘У Тэсс сжималось сердце. Не могла она скрыть от самой себя, что любит Энджела Клэра, а любовь, внушенная им другим девушкам, быть может, еще усиливала страсть’ [Thomas Hardy. *Tess of the D’Urbervilles*].

Be over head and ears in love (быть безумно влюбленным).

‘I don’t mind your knowing’, he said, ‘I’m over head and ears in love with her’. ‘Я не собираюсь скрывать от Вас, — сказал он, — что я безумно влюблен в нее’ [John Galsworthy. *Over the River*].

Надо отметить, что, являясь многогранным чувством, любовь может ассоциироваться с такими смешными чувствами, как симпатия, расположение, теплота, привязанность, влечение, страсть, преданность, благосклонность, восторг, восхищение, благоговение, теплота, дружба, доброжелательность, интерес, очарование,

обожание, нежность, слабость, желание и т.д. Мы придерживаемся точки зрения, что эти чувства синонимичны и, в случае выражения положительных человеческих эмоций, являются степенью проявления того же чувства любви.

Языковое выражение чувств, являясь наименее изученной областью лингвистики, напрямую связано с мышлением и языком, а также с национальной самобытностью народа-носителя [4; 5]. Это обстоятельство превращает проблему изучения языкового выражения чувств в контексте сравнительного языкознания в наиболее актуальную, подчеркивая ее значимость в деле изучения и преподавания иностранных языков.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кунин А.В. *Англо-русский фразеологический словарь*. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
- [2] Лепихина Л.Н. *Фразеологизмы со значением любви в русском и английском языках*. — М.: МГУ, 2009.
- [3] Лубенская С.И. *Большой русско-английский фразеологический словарь*. — М.: АСТ-Пресс Книга, 2004.
- [4] Михеева Н.Ф. Национально-культурное своеобразие функционирования фразеологизмов в современном испанском языке // *Вестник МГЛУ. Серия I. Филология*. — № 3. — Мн.: Изд-во МГЛУ, 1998. — С. 69—75.
- [5] Михеева Н.Ф. Национально-культурное своеобразие функционирования фразеологизмов в современном испанском языке (на примере мексиканского и пиренейского национальных вариантов испанского языка) // *Семантика, прагматика и грамматика организации единиц различных уровней*. — Мн.: Изд-во МГЛУ, 1997. — С. 93—101.
- [6] Фазылов М. *Фарханги ибораҳои рехта*. — Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1963.
- [7] Francis B. *Oxford Idioms. Dictionary for Learners of English*. — Oxford: University Press, 2010.
- [8] Научно-познавательный портал «Единое знание». URL: <http://edinoeznanie.ru>

TO THE CLASSIFICATION OF THE VERBAL IDIOMS BASED ON FEELINGS EXPRESSED BY THEM IN RUSSIAN, TAJIK, AND ENGLISH LANGUAGES

F. Akhmedova

Department of Foreign Languages
The Faculty of Philology
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklay Str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the problem of classification of the verbal idioms. The comparative analyses conducted by the author in three languages results in identifying three categories of the verbal idioms expressing feelings. A special attention is devoted to the category of idioms-bearers of positive feelings, which is illustrated by examples from the literature.

Key words: verbal idioms, classification, positive feelings, comparative analyses, the feeling of love.

К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Ж. Багана, Н.В. Трещева

Кафедра французского языка
Белгородский государственный университет
ул. Победы, 85, Белгород, Россия, 308015

В статье на основе анализа языковой ситуации в Бельгии определены лексико-семантические особенности бельгийского национального варианта французского языка.

Ключевые слова: национальный вариант, территориальная вариативность, норма, диалектизм, билингвизм.

Французский язык по числу людей, пользующихся им в качестве родного, занимает 11—12 место в мире, но международная значимость французского языка оказывается значительно выше в связи с тем, что для многих народов он стал важнейшим средством общения и усвоения мировой культуры. В настоящее время французский язык представлен не только на своей исторической родине, во Франции, но и в других странах земного шара, выполняя там функции официального общения, международных связей, национального языка, языка науки, художественной литературы. Им в качестве родного сейчас в мире пользуются около 90 млн человек, а вместе с теми, кто активно использует его в качестве второго или третьего языка, общее число франкофонов достигает примерно 400 млн.

Что касается географического распространения, то в Европе, кроме Франции, французский язык представлен в Бельгии, Люксембурге, Швейцарии, Монако, Италии и в Великобритании. Это — те страны и территории, где французский язык сформировался в результате романизации местного населения. В Северной Америке он является родным языком франкоканадцев, а также жителей отдельных штатов США. В Южной Америке французский язык распространен в заморских департаментах Франции в Гвиане и на Антильских островах Гваделупе и Мартинике, а также на Гаити. В Африке французский язык в том или ином качестве представлен в 21 стране континента. В Азии он используется в Ливане, Камбодже, Лаосе и Вьетнаме.

Варианты французского языка в мире представляют собой систему дискретных образований и в то же время — некий континуум, называемый франкофонией. Франкофония — это условное объединение стран и территорий, на которых распространен французский язык, а также совокупность народов, проживающих на этих территориях и пользующихся этим языком. Единство франкоязычного мира обеспечивается единством его исторического формирования, а также постоянными контактами между франкоязычными странами и народами [1].

На многочисленных территориях распространения французского языка складываются его специфичные варианты, то или иное положение которых в национальном обществе определенным образом сказывается на них как на средствах выражения национальных представлений о мире. Это обусловлено тем, что перед языком поставлена не только коммуникативная цель, но и когнитивная задача —

формировать, передавать и хранить этническое знание, представляющее собой особую систему миропонимания и эмоционального реагирования на мир. Все эти признаки присущи, в первую очередь, национальным вариантам языка, в нашем случае — французскому языку Бельгии.

В данной статье будет предпринята попытка рассмотрения особенностей лексико-семантических процессов во французском языке Бельгии.

К лексико-семантической системе относится вся область смысловых отношений лексических единиц, своеобразие типов их группировок, характера их взаимоотношений друг с другом и с элементами других подсистем языка, а также условия и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков [2].

Особое место в системе французского языка Бельгии занимают заимствования, которые позволяют лучше и легче заполнять лингвистические лакуны и способствуют улучшению условий коммуникации при билингвизме, лучшему усвоению одного или нескольких языков. Естественно, что у языков, находящихся в контакте, наряду с языковым, происходит также культурный обмен, что и приводит к многочисленным заимствованиям [4].

Французский язык в Бельгии — это язык, развивающийся в многоязыковой и многокультурной ситуации. На территории Бельгии в настоящее время распространены следующие три языка: голландский, французский и немецкий, при этом французский и голландский языки являются одинаково официальными языками Бельгии, а немецкий язык такого статуса в стране не имеет.

В связи с существованием в стране двух официальных языков среди бельгийцев развито двуязычие. Это означает, что некоторая часть франкоязычных валлонцев владеет, кроме родного французского, также голландским языком, в то время как часть фламандцев пользуется французским языком. Двуязычие особенно развито среди образованных бельгийцев (чиновников, преподавателей, инженеров и т.п.). Однако в Бельгии более высоким престижем пользуется французский, нежели голландский язык [1].

Таким образом, развитие языковой ситуации на территории Бельгии позволяет говорить о том, что современный «бельгийский язык» — это симбиоз нескольких языков, а именно: французского, голландского и немецкого. При рассмотрении его лексико-семантических особенностей можно выделить несколько характерных групп лексических единиц.

1. Собственно *бельгицизмы*, то есть слова, характеризующие административную, общественную жизнь страны, отражающие специфические черты быта бельгийцев, географические термины и т.д. Некоторые особенности в области лексики можно считать оправданными, так как в нормативном французском языке нет соответствующего термина. Это бельгийские реалии: географические, кулинарные термины, государственное устройство в широком смысле слова [3]. Например:

drache (f) — сильный, внезапный дождь (ср.: фр. *averse, ondée*);

bourgmestre (m) — бургомистр (ср.: фр. *maire*);

gramignon (m) — народный танец-хоровод, который исполняется в наши дни на улице во время народных праздников (ср.: фр. *farandole*);

kermesse (f) — ежегодные праздничные ярмарки в Бельгии, во время которых поют и танцуют (ср.: фр. *kerkmisse* — церковная служба, затем в XIV в. праздник, ярмарка).

2. *Лексические и семантические архаизмы* составляют значительный пласт лексики бельгийцев и франко-швейцарцев, в то время как во Франции данные слова давно считаются устаревшими или вышедшими из употребления. Например:

muser во Франции имеет основное значение «болтаться без дела», а в Бельгии — «напевать мелодию, не разжимая губ», в школьном аргю — «мычать на уроке, желая сорвать его»; происходит от старофранцузского значения *muser*, не сохранившегося в современном нормативном, — «играть на волынке»;

carrousel — бельгийское значение этого слова — «карусель» — во Франции устарело, его основные современные значения: конные состязания; множество движущихся предметов (*carrousel d'avion, de motos*);

paumer — старофранцузское слово, одно из значений которого — «бить ладонью» — путем метонимического переноса дало в языке Бельгии новое значение «продавать с аукциона»;

régent — французский язык Бельгии сохранил это старофранцузское слово для обозначения преподавателей средних учебных заведений и образовал от него ряд синонимических производных со значением «учеба в педагогическом институте».

3. Значительная часть лексических особенностей французского языка Бельгии объясняется влиянием бельго-романских диалектов, распространенных в романской части страны. Эти *диалектизмы* можно условно разделить на конструктивные и лексические.

Конструктивные диалектизмы заключаются в особом построении фраз, в изменении порядка слов в предложении, в необычном употреблении некоторых групп слов, в частности, наречий. Например:

un homme ainsi — похожий человек (ср. фр.: *un homme semblable*);

des choses ainsi — подобные вещи (ср. фр.: *de telles choses*);

assez bien de monde — много людей (ср. фр.: *beaucoup de monde*);

je ne sais de rien — я ничего не знаю (ср. фр.: *je ne sais rien*);

il est grand assez — он достаточно взрослый (ср. фр.: *il est assez grand*).

Лексические диалектизмы представляют собой чрезвычайно многочисленную группу, в которой можно выделить, в свою очередь, отдельные слова и фразеологизмы.

Примечательно изменение значений некоторых французских слов:

pièce кроме обычного значения — «комната» под влиянием диалектов расширило сферу употребления. В Бельгии говорят: *une fameuse pièce d'homme* — «верзила».

Но наиболее интересна эволюция слова *câlin*. Во французском языке Франции *câlin* означает «мягкий, ласковый», а в районе Льежа — «злой» — прямо противоположное значение. *La câlinerie* — «злость», даже дьявола в этих местах называют *câlin*.

Слово *Universitaire* во Франции и в Бельгии также употребляется по-разному. Во Франции им называют преподавателя университета, а в Бельгии — «человека с университетским дипломом» или «студента университета».

Слово *Académicien* во Франции — «академик», а в Бельгии — «студент или преподаватель университета».

В нормативном французском языке существует выражение: *laisser quelqu'un à la porte* — «оставить за дверью». Бельгийский французский расширил зону употребления словосочетания *à la porte: travailler à la porte* — «работать вне дома»; *manger à la porte* — «есть на воздухе»;

taper à pouf — говорить наудачу (ср. фр.: *deviner au hasard*);

battre le beurre — ошибаться (ср. фр.: *se tromper*);

faire de son nez — привередничать (ср. фр.: *faire de l'embarras*);

avoir des ruses avec qn — ссориться (ср. фр.: *se quereller avec qn*).

Краткий анализ лексико-семантических особенностей французского языка Бельгии позволяет сделать некоторые выводы.

Тесно связанный с языком «метрополии», французский язык в Бельгии ориентируется на французскую языковую норму. Основные региональные особенности французского языка в данной стране связаны, главным образом, с влиянием: 1) местных романских диалектов; 2) контактирующих языков — немецкого и фламандского.

Однако жесткий бельгийский пуризм и ориентация на французскую языковую норму не позволяют данному варианту достичь существенных отклонений. Более того, все то, что является локальным во французском языке Бельгии, часто критикуется и подвергается искоренению, особенно в области официального общения на международном и общеевропейском уровнях. На местном же уровне отклонения от нормы общепольского стандарта допускаются. Все это свидетельствует о слабом развитии чувства национального самосознания среди валлонцев.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Багана Ж. Судьба европейского языка в Африке. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003.
- [2] Клоков В.Т. Территориальные варианты французского языка // Спецкурсы по романской филологии: Сб. тр. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. — Вып. 2.
- [3] Goosse A. La norme et les écarts régionaux // Le français en France et hors de France. — Nice, 1980.
- [4] Salah-Eddine R. Les emprunts dans la presse marocaine d'expression française: problèmes d'intégration // Etude de français en francophonie. — Presse universitaire Savoie, 2000.

TO THE PROBLEM OF THE TERRITORIAL VARIETY OF FRENCH LANGUAGE

J. Baghana, N.V. Treschova

Department of French language
Belgorod State University

Pobedy Str., 85, Belgorod, Russia, 308015

In the article on the basis of the analysis of bilingual situation in Belgium the lexico-semantic specificity of Belgian French language is determined.

Key words: a national variant, territorial variety, norm, dialectism, bilingualism.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОВОЗЕЛАНДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А.Р. Бекеева

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу национально-культурного своеобразия функционирования лексических единиц новозеландского национального варианта английского языка.

Ключевые слова: национальный вариант, национально-государственный коллектив, языковая ситуация, этноязыковое строительство, национально-культурное своеобразие.

Английский язык является одним из национально негомогенных языков. Национальный вариант мы рассматриваем как разновидность единого нормированного литературного языка [6], форму адаптации единого литературного языка к условиям, потребностям и традициям наций — носителей данного языка [1]. При описании национального варианта необходимо учитывать не только лингвистические, но и социальные признаки. Вслед за А.И. Домашневым к социальным признакам мы относим социальный статус языкового варианта в данном обществе, выполняемые им социальные функции и структуру национального варианта.

Лингвистические признаки национального варианта заключаются в наличии различительных признаков на всех уровнях языковой системы, определенной унификации языковой нормы и специфических дистрибутивных отличиях в употреблении языковых единиц. Важнейшим из таких экстралингвистических факторов является общественная функция, выполняемая данным вариантом языка: обучение в школе, применение в делопроизводстве, использование на радио и телевидении, в кино и театре, издание книг, газет и журналов и т.д., т.е. практически функции национального варианта тождественны функциям самостоятельного литературного языка [1].

Национальные варианты не могут рассматриваться в качестве близкородственных языков, поскольку их различия в субстанции и структуре находятся на таком уровне, который «не соответствует рангу языка». Традиции самостоятельных национальных номинаций подобных вариантов, наблюдаемых в ряде языков, менее всего могут быть приняты за подтверждение статуса близкородственных языков [2].

Глобальные внешнеполитические интересы Англии в XVIII—XIX вв. привели к образованию национальных вариантов литературного английского языка в США, Канаде, Новой Зеландии и Австралии. В своем исследовании Д.А. Шахбагова отмечает, что все национальные варианты английского языка прошли аналогичные этапы развития, а именно: 1) период трансплантации и адаптации английского

языка в новых условиях функционирования, 2) период формирования и становления национальных вариантов английского языка, 3) период самостоятельного функционирования, национальных вариантов английского языка [5].

В настоящий момент английский язык — это система специфических национальных вариантов или “new Englishes” [12], каждый из которых характеризуется определенным функциональным своеобразием, социолингвистическим статусом, национально-культурной спецификой языковых единиц, социальной и территориальной дифференциацией, а также структурными, речевыми и нормативными особенностями.

Особый интерес как объект лингвистических исследований представляет новозеландский национальный вариант английского языка. Социолингвистический статус английского языка в Новой Зеландии мы определяем как национальный вариант английского языка, т.к. он является государственным языком страны; на нем говорит абсолютное число жителей государства; имеет национальную литературную норму; выполняет полный объем общественных функций; он обладает национально-культурной спецификой. В Новой Зеландии государственными также являются язык маори и новозеландский язык жестов (New Zealand Sign Language) [3].

В последние десятилетия в Новой Зеландии наблюдается реорганизация в системе научных знаний: значительно возросло количество публикаций, лингвистических исследований и экспериментов, посвященных проблемам функционирования и развития новозеландского национального варианта английского языка. Появление этих публикаций (Т. Деверсон, Э. Гордон, Л. Бауэр, К. Купер, А. Белл) обусловлено повышением внимания к языку в целом, ростом национального самосознания, признанием того, что данный вариант имеет свои специфические, отличительные особенности.

Однако в отечественной лингвистике проблема исследования данного варианта остается неразработанной. Некоторые аспекты языковой системы новозеландского национального варианта английского языка нашли освещение в работах Т.М. Беляевой «Английский язык за пределами Англии» (1961), Л.В. Турченко «Новозеландские флористические названия» (1987), Д.В. Лагоденко «Взаимодействие разносистемных языков в едином коммуникативном пространстве (на материале новозеландского варианта английского языка и языка маори)» (2003). К первоисточникам лингвистических исследований в Новой Зеландии можно отнести работы следующих авторов: С. МакБерни «Колониальное произношение» (1887), А. Уолл «Родной язык в Новой Зеландии» (1936), «Новозеландский английский язык: Руководство по правильному произношению английского языка, со специальной ссылкой на условия и проблемы Новой Зеландии» (1938), Э. Парtridge «Словарь сленга и нешаблонный английский язык» (1937), С.Дж. Бейкер «Новозеландский сленг: словарь коллоквиумов» (1941), «Происхождение слов пакеха и маори» (1945), Дж.С. Андерсен «Слова маори, включенные в состав английского языка» (1946), Л.Г. Келли «Фонемы новозеландского национального варианта английского языка» (1966), Г. Тернер «Английский язык в Австралии и Новой Зеландии» (1966), Р.Д. Иглсон «Английский язык в Австралии и Новой

Зеландии» (1982), Э. Гордон и Т. Деверсон «Новозеландский английский язык: Введение в новозеландскую речь» (1985).

Новая Зеландия состоит из Южного и Северного островов в юго-западной части Тихого океана. Аборигенами страны являются маори, назвавшие страну “Aotearoa” (the land of the long white clouds — страна белых длинных облаков). Маори — потомки полинезийцев The Tangata Whenua или “People of the Land”, первых поселенцев Южного и Северного островов. Среди первых европейских открывателей Новой Зеландии был голландец А. Тасман. В декабре 1642 г. он открыл остров, назвав его Stateen Landt (позже — Nieuw Zeeland, с голландского языка new sea-land). В 1769 г. берегов Новой Зеландии достиг британский мореплаватель Д. Кук.

Открытие Новой Зеландии привлекло внимание общественно-политических кругов не только в самой метрополии, но и предпринимателей США, Франции и Голландии. Европейские открытия в значительной мере определили развитие Новой Зеландии и в историческом сознании ее жителей стали символом зарождения нации.

Как известно, национально-культурная специфика функционирования языковых средств становится понятной в исторической перспективе. В этой связи целесообразно рассмотреть общественно-политические и социально-экономические предпосылки, определившие процесс развития новозеландского национального варианта английского языка. 30 января 1770 г. Австралия стала объектом географических открытий и исследований Д. Кука. В связи с удаленностью Австралийского континента его колонизация началась лишь спустя 18 лет после «визита» британского мореплавателя.

В 1788 г. Австралия начала превращаться в страну ссыльных из Великобритании и Северной Ирландии. В этом же году в Порт-Джеконе был основан г. Сидней — столица первой австралийской колонии Новый Южный Уэльс. Одной из предпосылок зарождения английского языка в Новой Зеландии явилось ее первоначальное расположение в качестве австралийской колонии Нового Южного Уэльса. Иммиграция в Новую Зеландию имеет долгую историю. Первыми в колонизации Новой Зеландии приняли участие лондонские миссионеры в 1814 г. [8].

Ко времени колонизации коренное население Новой Зеландии обладало высоким уровнем культурного и языкового потенциала. Европейские миссионеры и колонизаторы стран стали изучать язык маори (Te Reo Maori). Именно в это время большинство слов языка маори было заимствовано в лексикон новозеландского национального варианта английского языка. В 1855 г. на язык маори была переведена вся Библия. Несмотря на наличие туземных поселений маори, доминирующая роль в Новой Зеландии принадлежала английскому языку. Сужение функций языка маори в Новой Зеландии объясняется высоким социальным престижем английского языка, выполнением полного объема общественных функций, расширением сфер его коммуникативного использования на протяжении всего хода исторического развития страны.

Лингвистическая ситуация, сложившаяся в результате колонизации Новой Зеландии Британской империей, создала основные предпосылки для формирования новозеландского национального варианта английского языка. Приток им-

мигрантов явился результатом целенаправленной британской колониальной политики. В 1790 г. страна стала новой колонией Британской Империи.

Следует отметить значительное социально-этническое разнообразие Новой Зеландии, поскольку подавляющее число иммигрантов составляли торговцы, моряки и китоловы из Шотландии, Англии, Австралии и Ирландии. На начальном этапе необходимо было ослабить, нивелировать диалектные различия, унифицировать и кодифицировать английский язык. Данное междиалектное взаимодействие, согласно точке зрения В.М. Жирмунского, проходит по двум направлениям: унификации, т.е. постепенной утраты первичных, наиболее резких и характерных диалектных различий, и сохранения вторичных, наименее заметных примет диалекта [3]. В такой общественно-политической атмосфере колонии возникла острая необходимость в эффективном общении между носителями различных диалектов Британии уже сформировавшегося к тому времени литературного английского языка.

В компетенции колониального общества оказался вопрос этноязыкового строительства новозеландской нации. Важно отметить, что ключевым аспектом признания суверенности национального варианта является кодификация его норм в лексикографических источниках. В 1820 г. вышла в свет примечательная работа С. Ли и Т. Кендалла «Грамматика и словарь языка Новой Зеландии». Этот словарь явился надежным источником лексикографического материала для развития и обогащения английского языка, его нормализации и культуры.

К достижениям ранних лексикографических изысканий следует отнести «Словарь новозеландского английского языка» У. Уллиамса 1844 г., отражающий глубину лексикографической интерпретации данной эпохи. Единый язык должен был выполнять не только коммуникативные функции, но и оказывать манипуляционное воздействие на туземное население маори. В роли единого языка-посредника выступил наиболее распространенный, «обслуживающий» несколько национально-государственных общностей (шотландцев, ирландцев, англичан, австралийцев) литературный английский язык в форме, привнесенной колонизаторами. Полинациональный английский язык превзошел язык маори по объему и сфере коммуникативного использования, тем самым вытеснив язык маори [9].

В 1839—1850 гг. основной приток поселенцев (46,7%) составляли колонизаторы из Лондона и юго-востока Англии [10]. Примечателен тот факт, что в истории колонизации Новой Зеландии в основном были задействованы выходцы из Великобритании. Еще в 1905 г. отечественный историк П.Г. Мижух в своей работе «Передовая демократия современного мира: английская колония Новая Зеландия» высказал мнение, что «колонизация Новой Зеландии будет делом почти исключительно англосаксонского племени» [4].

Стремление поселенцев к поддержанию английских языковых традиций, ориентация на британские идеалы и ценности прослеживаются также в названиях некоторых новозеландских городов. Были основаны города: Окленд, Нельсон, Веллингтон, Кантерберри, Отаго и Нью-Плимут. Практическое расположение всех городов было стратегически запланировано так, чтобы торговцы имели возможность прибывать не только к берегам Новой Зеландии, Австралии, но и к осталь-

ным островам Тихого океана. Развитие капиталистических отношений и торгово-экономических связей метрополии с ее колониями способствовали распространению английского языка.

В 1839—1840 гг. Новая Зеландия представляла большой интерес для предпринимателей США, Голландии, Франции и Северной Америки в плане инвестирования капитала и экономической эксплуатации. Они вносили весомый вклад в развитие народного хозяйства, строительства ряда предприятий в лесопромышленности. Данное обстоятельство вынудило Британскую Империю ускорить процесс формального сплочения составных ее частей.

8 февраля 1840 г. британское правительство подписало договор с маори о признании суверенитета Новой Зеландии. С данного момента это лишь усилило господствующее положение Британской Империи во всех сферах общественной жизни страны. Следствием подписания договора явилось порабощение малочисленного народа маори, издревле проживавшего на этой территории [9].

В 1860 г. в ходе разорительных войн значительная часть коренного населения была истреблена. В 1896 г. население маори сократилось с 86 000 до 42 000 человек [7].

Культурные, социально-экономические и политические преобразования способствовали стремительному росту национального самосознания. Собственную языковую самоидентификацию новозеландский национальный вариант английского языка приобрел вместе с государственным обособлением в 1907 г., когда Новая Зеландия получила статус доминиона.

Именно в данную историческую эпоху был заложен фундамент формирования новозеландского общества.

Языковая система любого языка неповторима и несет в себе особый отпечаток национальной культуры, а именно: особенностей образовательной, культурной, социальной, политической, духовной сфер жизнедеятельности, традиций, обычаев, мировидения, психологического склада представителей национально-государственных коллективов.

Наиболее продуктивными способами обогащения лексической системы английского языка Новой Зеландии являются заимствования из языка маори, словообразовательные модели (аффиксация, словосложение), семантическое расширение или сужение слова, а также включение элементов национально-маркированной лексики австралийского национального варианта английского языка. Национально-культурное своеобразие новозеландского национального варианта на лексическом уровне выражается в том числе в использовании словосложения в их новой комбинации: 'rabbits' ears 'комнатная телеантенна', swapmeet 'процесс обмена товарами', try-hard 'целеустремленный, амбициозный человек', huntaways или eye-dog 'собака для охраны овец', bobby calf 'новорожденный теленок', runholder 'владелец фермы', sheep stations 'овцеводческие фермы', number eight wire 'провода для ограждений'. Более продуктивной моделью словообразования являются лексические сокращения: усеченные слова dizzy lizzie — 'двадцатидолларовая банкнота с изображением королевы Елизаветы', muso — 'студент музыкального

училища', truckie — 'водитель грузовика'; аббревиатуры: WINZ — Work and Income New Zealand 'работа и доход Новой Зеландии', WETA — Waikato English Teachers' Association 'ассоциация преподавателей английского языка г. Вайкато', суффикс — ize: bargainize 'заключать сделку', editorialize 'писать статью'.

В историческом плане процессы формирования государственной самостоятельности Новой Зеландии были связаны не столько с сельскохозяйственной промышленностью и ростом производительности труда, сколько с интенсификацией добычания золота в 1861 г. В силу специфических условий развития была вероятность не только превращения Новой Зеландии в седьмой штат Австралии в 1880 г., но и стирания существенных различий между двумя национальными вариантами.

Длительные общественно-политические и социально-экономические контакты с Австралией нашли отражение в национально-маркированной лексике новозеландского национального варианта английского языка, в первую очередь появлении ряда австрализмов. Например, cow sockey 'фермер', swag 'связывать в узел', tucker 'пища', wowser 'ханжа', skite 'хвастливый человек', dincum 'честный, хороший'.

Значительное влияние на развитие лексикографии в Новой Зеландии оказала монографическая работа преподавателя Мельбурнского университета Э. Морриса "Австралийский английский язык", вышедшая в свет в 1898 г. Констатируя общность лингвистической и экстралингвистической традиций развития австралийского и новозеландского национальных вариантов английского языка, автор проанализировал специфические отличия в употреблении лексических единиц данных вариантов, получивших наиболее полную самостоятельную фиксацию в конце XIX в.

Историческое функционирование социально-коммуникативных систем английского языка и коренного населения маори не могло не отразиться на лексике новозеландского национального варианта английского языка. Наличие заимствований из языка маори является важной чертой его национально-культурного своеобразия. Слова из языка маори были заимствованы на ранних этапах колонизации, преимущественно для обозначения растений, деревьев, животных и птиц: kiwi, moa, tui, weka, takahe, pukeko, kokako, kotuku, korimako, piwakawaka — породы птиц, haruka, moki, terakihi — разновидности рыб, manuka, totara, kauri, rohutakawa, nikau, ponga, rata, matai — породы деревьев, katipo — ядовитый паук.

Необходимо отметить, что в период с 1860 до 1970 г., согласно данным лексикографических источников Новой Зеландии, процессы заимствований из языка маори не наблюдались. Последние десятилетия характеризуются многочисленными заимствованиями из языка маори в связи с социально-экономическими преобразованиями в Новой Зеландии, направленными на возрождение языка и культуру маори. К примеру, в двуязычном новозеландском словаре Райана (1995) зафиксировано 20 000 слов языка маори с переводом на английский язык.

Следующие слова также происходят из языка маори: aotearoa 'земля белых длинных облаков', tangata whenua 'люди земли', iwi 'племя', whanau 'семья', mokopuna 'внук', tupuna 'предок', wero 'вызов', mana 'авторитет', puku 'живот',

haka ‘танец маори’, tapu ‘табу’, koha ‘подарок’, kawa ‘протокол’, kete ‘корзина’, nui ‘большой’, e noho ra ‘прощание’, powhiri ‘церемониальное приветствие’, whare ‘дом’, pai ‘хороший’, hoa ‘друг’, aroha ‘любовь’, ahau ‘я’, кое ‘ты’, ora ‘жизнь’, kuri ‘собака’, kia ora ‘приветствие’. Особого внимания заслуживают слова языка маори, имеющие эквивалент в английском языке Новой Зеландии: pakeha — European ‘европеец’, tino rangatiratanga — sovereignty ‘суверенитет’, tikanga — custom ‘обычай’, kaupapa — strategy ‘стратегия’, kaitiaki/guardians ‘попечители’, pohoaanga, temporary campsites in National Parks ‘временные лагеря в Национальных парках’ [12].

Наибольшим лингвокультурологическим потенциалом обладает топонимическая система новозеландского национального варианта, тесно связанная с этнической культурой маори. По оценкам лингвистов, 0,9% из всех заимствованных слов общеупотребительной лексики — аборигенного происхождения, наибольшую часть составляют наименования географических объектов Новой Зеландии, например: Timaru, Takaruna, Rotorua, Rangitoto, Wanganui, Whangarei, Waikato.

Данный вопрос требует дальнейших специальных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Домашнев А.И. Национально-региональная вариативность немецкого литературного языка и австрийский национальный вариант современного немецкого литературного языка. — Ленинград: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук, 1970. — С. 16—17.
- [2] Домашнев А.И. Некоторые аспекты типологии литературных языков в зависимости от их социальных функций // Шестая научная сессия по вопросам германского языкознания. Тезисы докладов. — М.: Инст-т языкозн. АН СССР, 1974. — С. 20—25.
- [3] Жирмунский В.М. Проблемы переселенческой диалектологии // Общее и германское языкознание. Избранные труды. — Ленинград, 1976.
- [4] Мижусев П.Г. Передовая демократия современного мира: английская колония Новая Зеландия. — СПб.: Львович, 1905.
- [5] Шахбагова Д.А. Детерминанты конвергентно-дивергентных процессов развития национальных вариантов английского языка // Всесоюзная конференция «Проблемы вариативности в германских языках». — М.: Инст-т языкозн. АН СССР, 1988. — С. 51—57.
- [6] Швейцер А.Д. Различительные элементы американского и британского вариантов современного литературного английского языка: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — М., 1966.
- [7] Belich J. Making peoples: A history of the New Zealanders from Polynesian Settlement to the End to the End of the Nineteenth century. — Auckland, 1996.
- [8] Britain D. Where did New Zealand English come from? // Languages of New Zealand. — Wellington, 2005. — P. 156—193.
- [9] Eagleson R.D. English in Australia and New Zealand // English as a World Language. — Michigan, 1982. — P. 415—438.
- [10] Gordon E., Abell M. This objectionable colonial dialect: historical and contemporary attitude to New Zealand Speech. — Clevedon, 1990.
- [11] Laws M., Kiland R., Watts M. Analysis of the New Zealand English and Maori on-line translator. — Dunedin, 2000.
- [12] Platt J., Weber H., Ho M.L. The new Englishes. — L., 1984.

LINGUISTIC PECULIARITIES OF NEW ZEALAND NATIONAL VARIANT OF ENGLISH

A.R. Beckeeva

The Department of Foreign Languages
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the analysis of the national-cultural specifics of the function of lexical units in New Zealand English.

Key words: national variety, national state society, linguistic situation, ethnic language construction, national cultural specificity.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ АГРЕССИИ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

(на материале существительных, номинирующих
образ агрессора)*

Л. М. Закоян

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются существительные, номинирующие образ агрессора в современном американском национальном варианте английского языка.

Ключевые слова: агрессор, лексико-семантический анализ, ассоциативный эксперимент, американский национальный вариант английского языка, физическая агрессия, образ агрессора.

Изучение речевой агрессии требует рассмотрения значений агрессии как стратегии речевого поведения индивида.

В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» под ред. Л.Ю. Иванова автором приводится следующая трактовка термина «речевая агрессия»: «Речевая агрессия — форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом. Речевая агрессия мотивирована агрессивным состоянием говорящего и зачастую преследует цель вызвать или поддержать агрессивное состояние человека» [7].

Н.Ф. Михеева рассматривает речевую агрессию как целенаправленное речевое поведение и формулирует агрессию в речи следующим образом: «Нанесение обиды или оскорбления является выражением агрессии, поведения, направленного на отчуждение, отдаление и одновременно на унижение, подавление адресата. В социально-психологическом аспекте это изменение дистанции, вторжение в личную зону и причинение ущерба. Язык представляет широкие возможности для подобного поведения, «обеспечивая» нас устоявшейся системой выражений с отрицательным значением» [1].

Интересна идея И.А. Шаронова о том, что агрессор — не только тот, у кого в руках дубина или стингер. Агрессия пронизывает и мирную жизнь, проявляя себя в скрытых или открытых нарушениях правил человеческого общежития, деятельности и речевого воздействия членов общества [2].

С целью выяснения, какие существительные номинируют образ агрессора в современном американском национальном варианте английского языка, мы ре-

* Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», Гос. контракт № 14.741.11.0052.

шили обратиться к представителям американской лингвокультуры и выяснить, какие ассоциации вызывает у них слово «aggressor» ‘агрессор’.

В результате опроса 50 информантов было получено 53 слова-реакции.

“Aggressor” — attacker ‘нападающий’, animal ‘животное’, criminal ‘преступник’, violator ‘нарушитель’, bastard ‘ублюдок’, bully ‘задира’, America ‘Америка’, demanding ‘предъявляющий требование’, the person who is aggressive ‘человек, который агрессивен’, ignorance ‘невежество’, imperialist ‘империалист’, man ‘человек’, instigator ‘подстрекатель’, fight ‘борьба’, predator ‘хищник’, person that creates a hostile environment ‘человек, который создает враждебную окружающую среду’, violent person ‘жестокий человек’, one who acted aggressive ‘тот, кто действовал агрессивно’, one who initiates an attack, ‘тот, кто начинает нападение’, one who initiates aggression ‘тот, кто начинает агрессию’, person who causes aggression ‘человек, который становится причиной агрессии’, war provoking ‘провоцирующий войну’, worse ‘хуже’, people not being nice ‘люди, которые неприятны’, pushy ‘настойчивый’, aggressive person ‘агрессивный человек’, angry person ‘разгневанный человек’, pushy person ‘настойчивый человек’, bold and arrogant ‘смелый и высокомерный’, attack ‘атака’, a bully or antagonist ‘забияка или антагонист’, to start a fight ‘инициировать сражение’, war maker on the national level ‘инициатор войны на национальном уровне’, person or nation who is offensive ‘наступательный человек или нация’, big ‘большой’, scary ‘ужасный’, angry ‘разгневанный’, initiator ‘инициатор’, murderer ‘убийца’, responsible ‘ответственный’, fighter ‘борец’, business ‘бизнес’, invader ‘захватчик’, guilty person ‘виновный человек’, firebrand ‘зачинщик’, broiler ‘разг. зачинщик ссор’, monster ‘монстр’, hector ‘грубиян’, teaser ‘задира’, assaulter ‘нападающий’, killer ‘убийца’, ‘terrorist’ террорист.

Как показывают результаты ассоциативного эксперимента, данный стимул вызвал единичные реакции.

Итак, посмотрим, кого олицетворяет «агрессор» в языковом сознании американцев. Оказывается, что образ агрессора в языковом сознании американцев, прежде всего, воплощают следующие слова и словосочетания: attacker ‘нападающий’ — 5 раз, animal ‘животное’ — 4 раза, criminal ‘преступник’ — 4 раза, violator ‘нарушитель’ — 3 раза, bastard ‘ублюдок’ — 3 раза, bully ‘задира’ — 2 раза, America ‘Америка’ — 2 раза.

Интересно, что слово «aggressor» ‘агрессор’ у двух респондентов ассоциируется со словом America ‘Америка’. В данном случае интерес вызывает тот факт, что слово «агрессия» ассоциируется именно с названием собственной страны.

Некоторые ассоциации можно условно назвать «символами-реакциями», так как они олицетворяют конкретные личностные качества агрессора: bastard ‘ублюдок’, bully ‘задира’, America ‘Америка’, instigator ‘подстрекатель’, predator ‘хищник’, violent person ‘жестокий человек’, angry person ‘разгневанный человек’, pushy person ‘настойчивый человек’, a bully or antagonist ‘забияка или антагонист’, fighter ‘борец’, invader ‘захватчик’, firebrand ‘зачинщик’, broiler ‘разг. зачинщик ссор’, hector ‘грубиян’, teaser ‘задира’, assaulter ‘нападающий’, killer ‘убийца’, ‘terrorist’ террорист.

Таким образом, исходя из результатов ассоциативного эксперимента и путем сплошной выборки, в группу существительных, номинирующих образ агрессора, были включены следующие существительные: *attacker* 'атакующий', *criminal* 'преступник', *despot* 'деспот', *killer* 'убийца', *maniac* 'маньяк', *monster* 'монстр', *murderer* 'убийца', *sadist* 'садист', *terrorist* 'террорист', *thief* 'похититель', *torturer* 'мучитель', *traitor* 'предатель', *vermin* 'паразит', *villain* 'злодей'.

Рассмотрим существительное *monster* 'монстр'. В Merriam-Webster's Advanced Learner's English Dictionary приводится следующее определение данного существительного.

Monster 'монстр' — 1. An abnormally developed plant or animal 'неправильно развитое растение или животное'. 2. An animal of strange or terrifying shape also one unusually large of its kind 'животное странной или ужасающей формы, также необычно большой среди себе подобных'. 3. An extremely ugly, wicked, or cruel person 'чрезвычайно уродливый, злой или жестокий человек'.

Согласно данным Heinle's Newbury House Dictionary of American English, рассматриваемое существительное определяется следующим образом.

Monster 'монстр' — 1. A scary, imaginary creature, usu. a person, animal, or plant 'страшное, воображаемое существо, обычно человек, животное или растение'. 2. A very cruel person or animal 'очень жестокий человек или животное'.

Рассмотрев словарные определения существительного *monster* 'монстр', мы пришли к выводу, что толкование данного существительного совпадает в обоих словарях.

Рассмотрим пример употребления анализируемого существительного в современной художественной литературе.

"Monster!" his father was yelling. "Cheater! Liar! Thief!"

Samuel pushed past the crowd that was beginning to gather around his father.

Монстр, — вопил его отец. — Мошенник, лгун, вор!

Самуел протолкнулся через толпу, которая собиралась вокруг его отца [8].

В вышеприведенном примере герой романа «монстром» называет злоумышленника, который устроил драку по незначительной причине.

Существительное *murderer* 'убийца' тоже является одним из ярких представителей группы существительных, номинирующих образ агрессора. Обратимся к Merriam-Webster's Advanced Learner's English Dictionary.

Murderer 'убийца' — 1. a): one legally guilty of committing murder 'тот, кто действительно виновен в совершении убийства'. b): one who slays a living creature 'тот, кто лишает жизни живое существо'. 2. obsolete: a cannon used especially for clearing a ship's decks 'устарелое: орудие, используемое специально для очистки палубы судна'. 3. A metal bar carrying several hooks for cod 'металлический брусок, несущий несколько крючков для треска'.

Отметим, что в Heinle's Newbury House Dictionary of American English отдельное толкование данного существительного не приводится.

Вот пример употребления анализируемого существительного.

Somehow the **murderer** hadn't escaped and I had him and soon he'd be sorry for what he'd done to Mattie.

Так или иначе, убийца не убежал, и я поймал его, и скоро он будет сожалеть о том, что он сделал Матти [8].

Вышеприведенный пример взят из романа «Удачный трюк жизни» Т. Рейнсфорда. В анализируемом речевом фрагменте главный герой романа рассказывает о злодеяниях жестокого убийцы, который стал причиной несчастий окружающих.

Еще один яркий представитель группы существительных, номинирующих образ агрессора — существительное *terrorist* 'террорист'.

В Merriam-Webster's Advanced Learner's English Dictionary приводится следующее определение рассматриваемого существительного.

Terrorist 'террорист' — 1. An advocate or practitioner of terror as a means of coercion 'сторонник или практикующий террор как средство насилия'. 2. One who panics or causes anxiety 'тот, кто паникует или вызывает беспокойство'.

Согласно данным Heinle's Newbury House Dictionary of American English, это существительное определяется следующим образом.

Terrorist 'террорист' — A person who uses terrorism 'человек, который использует терроризм'.

Итак, рассмотрев словарные дефиниции существительного *terrorist* 'террорист', мы пришли к выводу, что толкование данного существительного в Merriam-Webster's Advanced Learner's English Dictionary представлено чуть шире, чем в Heinle's Newbury House Dictionary of American English. Стоит также отметить, что толкование, которое представлено в Heinle's Newbury House Dictionary of American English, не дает исчерпывающего толкования данного существительного, в то время как определение, которое приводится в Merriam-Webster's Advanced Learner's English Dictionary, наиболее полно раскрывает и основные значения рассматриваемого существительного.

Приведем пример употребления анализируемого существительного в американской художественной литературе:

There was an exchange of fire... two of the **terrorists** and one Schupo were killed and the other badly wounded. I arrived on the scene as the surviving **terrorist** made a run for it. I chased гнаться; преследовать her to the waterfront, called for her to drop her gun, but she turned and fired.

Был обмен стрельбами... двое из террористов и один из группировки Шупо были убиты, а другой был тяжело ранен. Я прибыл в тот момент, когда выживший террорист сделал попытку сбежать с места происшествия. Я преследовал ее до порта, призвал, чтобы она бросила оружие, но она обернулась и выстрелила [7].

В вышеприведенном примере идет детальное описание агрессивных действий шестнадцатилетней террористки и представителей террористической группировки против представителей правоохранительных органов. Применение оружия приводит к серьезным последствиям и даже служит причиной лишения жизни террористов.

Рассмотрев группу существительных, номинирующих образ агрессора, мы пришли к выводу, что данные существительные обозначают лицо, совершающее

или совершившее то или иное тяжкое агрессивное действие против другого лица, не желающего подобного к себе отношения. Этим людям свойственна безмерная эмоциональность, раздраженность, озлобленность, негативное отношение к другим людям и даже к неодушевленным предметам.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Михеева Н.Ф.* Выражение агрессии в речевом общении // V Степановские чтения. Язык в современном мире. На материале романо-германских и восточных языков. Мат. и докл. междун. конференции. — М.: Изд-во РУДН, 2005. — С. 16—19.
- [2] Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, Е.Н. Ширяева, А.П. Сковородникова. — 2-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2007.
- [3] *Шаронов И.А.* Многоликая агрессия // Агрессия в языке и речи. — М.: РГГУ, 2004. — С. 5—6.
- [4] Heinle's Newbury House Dictionary of American English with Integrated Thesaurus: The Core of English Language Learning, Fourth Edition. Heinle ELT; 4th edition.
- [5] Merriam-Webster's Advanced Learner's English Dictionary. — Merriam-Webster inc., 2007.
- [6] *Rainsford T.* The Knack of Life. — Penguin Books, England, 2005.
- [7] *Russell C.* Blood Eagle. — Arrow books, Random House Group Limited, Great Britain, 2007.
- [8] *Sheldon S.* Bloodline. — New York, Boston, Warner Books Printing, 2005.

SOME CHARACTERISTIC FEATURES OF EXPRESSION OF AGGRESSION IN MODERN AMERICAN NATIONAL VARIETY OF ENGLISH (on the Material of Nouns Nominating the Image of an Aggressor)

L.M. Zakoyan

The Department of Foreign Languages
People's Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the study of nouns nominating the image of an aggression in the modern American national variety of the English language.

Key words: aggressor, lexico-semantic analysis, associative experiment, American national variety of English language, physical aggression, image of an aggressor.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПЕРЦЕПЦИИ В ПРОЦЕССАХ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ

И.Н. Ивашкевич

Кафедра иностранных языков
Белорусский государственный университет
ул. Академическая, 25-601, Минск, Белоруссия, 220072

Статья посвящена изучению роли перцепции в образовании новых концептов в современном английском языке в процессах вторичной номинации, связанной с динамикой когнитивных процессов человеческого мышления.

Ключевые слова: уровни познания, перцепция, вторичная номинация, перцептивный признак, семантическая деривация, значение.

С самого начала возникновения когнитивной науки телесный опыт (*bodily experience*) считался фундаментом человеческого познания. Познание как высшая форма отражения объективной действительности, которое на протяжении ряда столетий исследовалось философской мыслью, есть сложный и противоречивый процесс, в котором чувственное и логическое отражение составляют необходимые стадии или ступени. Эти две ступени, по данным психологов, соотносятся с тремя уровнями психического отражения образа реального мира в сознании человека:

- 1) уровень сенсорно-перцептивного отражения свойств и признаков объектов в их совокупности в момент воздействия на органы чувств;
- 2) уровень представлений — вторичные образы предметов, формирующиеся в процессе их многократного восприятия и актуализирующиеся без непосредственного воздействия на органы чувств;
- 3) уровень речемыслительных процессов (вербально-логический, понятийного мышления, интеллекта) — опосредованный знаками результат обобщения и абстракций, включаемый в коммуникацию. Вполне закономерным поэтому представляется активное фокусирование внимания лингвистов-когнитологов на проблемах, связанных с отражением чувственного уровня познания в языке, определением значимости и степени отражения перцепции в семантике языковых единиц.

Когнитивный подход к языковым явлениям открывает новые возможности в изучении языка. Если в традиционной лингвистике главным направлением исследования является создание общей теории значения, то в когнитивной лингвистике усилия исследователей направлены на изучение структуры лексического значения в сознании носителя языка, его соотношения со знаниями в картине мира индивида, мышлением, действительностью и восприятием. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Е.С. Кубряковой о том, что «значение — это когнитивный феномен, за которым стоит определенная структура знания». В когнитивной лингвистике, базирующейся на эмпирических данных смежных наук, продолжаются дискуссии о соотношении действительности, сознания и перцептивного опыта, формирующегося при взаимодействии с миром действительности, с менталь-

ными репрезентациями и вербализующими их языковыми формами. Это не случайно, поскольку корреляции между когнитивными и языковыми структурами чрезвычайно разнообразны и сложны и нуждаются в дальнейшем исследовании и интерпретации.

Таким образом, именно в системе языка находят свое отражение когнитивные процессы, в основе которых лежит психофизиологическая деятельность человека и, в первую очередь, процессы восприятия мира. Изучение значительного пласта английских субстантивов с перцептивными признаками (размер, форма, цвет, тактильные свойства, звук и др.) в их семантике позволил нам осветить тот коллективный опыт представителей английского социума, который был выявлен в процессах категоризации чувственного восприятия мира в ходе обработки информации, полученной по разным перцептивным каналам с помощью пяти органов чувств [3]. Присутствие следов перцептивного опыта зафиксировано в семантике значительного состава выделенных английских субстантивов. Следует поэтому признать когнитивную значимость и релевантность перцептивных свойств (в первую очередь, зрительно воспринимаемых) в отождествлении объектов, а значит, и в идентификации их материальных свойств и качеств.

Различные типы сочетаемости перцептивных признаков (а именно — перцептивных парадигм и перцептивных реестров атрибутов) в структуре значений английских субстантивов несут дополнительную, но не менее существенную информацию о восприятии физических характеристик предметов. Обладая разным удельным весом в общей системе перцептивных свойств, перцептивные признаки размера, формы, цвета и т.д., которые связаны с классифицирующей деятельностью человеческого сознания на основе перцептивного опыта, являются *салиентными* для выделенного корпуса имен существительных, что свидетельствует об их важной роли в формировании системных связей в лексике современного английского языка.

Естественно, возникает вопрос о значимости перцепции для когнитивной базы вторичных наименований.

Как известно, вторичные явления в языке неоднократно становились объектом пристального внимания лингвистов, поскольку изучение механизмов вторичной номинации, с точки зрения ученых, ведет не только к выявлению сути семантических процессов, но и к постижению механизмов функционирования когнитивной системы человека в целом.

Тенденция к экономии обращает номинативную деятельность в русло вторичной номинации, сущность которой, по словам В.Н. Телии, заключается в переосмыслении уже существующих в языке значений слов и в употреблении их материальной оболочки во вторичной для нее функции [8]. В качестве когнитивного процесса, дающего представление о создании нового знания, в настоящей статье рассматривается семантическая деривация, которая «предполагает не только образование нового концепта, но и установление его связей с исходной структурой знания в концептуальной системе человека, поскольку зародившийся смысл мотивирован исходным и его понимание часто требует знания исходного смысла [2].

Явление семантической деривации предполагает рассмотрение этого феномена как многоаспектного явления языковой системы, связанного с динамикой когнитивных процессов человеческого мышления.

Ученые полагают, что исследование когнитивных процессов семантической деривации помогает проникнуть в механизмы многофокусного и многогранного процесса познания. Как известно, процессы семантической деривации находят свое отражение в семантической структуре многозначного слова, которым является, прежде всего, английское имя существительное, на протяжении многих веков выступавшего традиционным объектом исследовательского внимания. Е.С. Кубрякова, представляя части речи в когнитивном плане, выделила основные характеристики (прототипического) предмета, которые можно рассматривать как определенные типы знания о предметных именах: 1) обособленность и самостоятельность (это — тела, занимающие особое место в пространстве); 2) стабильность во времени («перманентность» и «консервативность» объекта); 3) особая чувственная, сенсорная выделяемость конкретного объекта в актах его восприятия. Именно эта характеристика не только объединяет всю категорию предметности, но и отличает объект от всех не-объектов [5]. Такая «сенсорная выделяемость» находит свою репрезентацию в семантике имен, конституирующих категорию «Природные пространства» — одну из самых репрезентативных по числу перцептивных признаков в семантике *исходных единиц* в английском языке. Ср.: *ravine* ‘a deep and narrow valley with steep sides’; *plain* ‘a large area of flat land’ и др.

Данный семантический домен, который образован именами природных объектов, представляет один из важнейших фрагментов языковой картины мира английского социума. В этой связи возникает вопрос о продуктивности данной концептосферы для когнитивной базы вторичных наименований, вербализующих природные объекты в английском языковом сознании, и определении механизмов семантической деривации (типов переносов) для данной концептосферы. Следует отметить, что лингвисты-когнитологи отмечают специфический характер восприятия и картирования пространства и пространственных отношений как в сознании человека, так и в языке, поскольку представления о пространстве являются базовым фрагментом наивной картины мира, особо преломляемой каждым отдельным языком.

Чтобы выяснить, какие перцептивные признаки являются салиентными для когнитивной базы вторичных наименований природных объектов, мы проанализируем соотношение исходного и переносного значений данной концептосферы. Ср. *Mountain* 1. a very high hill, often with rocks near the top. В семантике исходного слова находит фиксацию перцептивный признак очень большого размера (a very high hill), т.е. признак, намного превосходящий нормы общечеловеческого восприятия предметов, который в данном конкретном случае позволяет отличить гору от других возвышенностей (холма, бугра и т.д.) и концептуализировать высоту горы как доминирующее измерение объекта. Метафорическое *mountain* реализует значение ‘огромное скопление предметов’, например: 1) *You’ll never eat*

that mountain of food. — Ты никогда не съешь такую гору еды (ср. в русском языке: гора блинов, шуб, тарелок, кирпичей, ящиков и т.д.); 2) I've got a mountain of work to do. — У меня — куча работы и т.д. В этой связи важным представляется вывод Е.В. Рахилиной о том, что «оценка величины предмета не абсолютна. Она ориентируется на норму, индивидуальную для каждого предмета, причем маркируются только отклонения от нормы в ту или другую сторону» [7]. Лексемы 'summit', 'top', 'peak' сгруппированы по параметрическому признаку 'высота', объединяющим их со словами 'height' и 'mountain'.

В лексеме исходных имен перцептивный (визуально-наблюдаемый) признак высоты становится источником некоторых семантических сдвигов в структуре значения данных имен, получив новое переносное значение 'прагматической высоты' (наивысшей точки развития) либо вершины эмоционального состояния или вершины социального/профессионального успеха. Например: summit 2: the topmost level attainable <the summit of human fame (вершина славы); top 6: the highest position (as in rank or achievement) (2): a person or thing at the top — высшее, первое место, высшая ступень в служебном или социальном положении; ранге; (2) глава (семьи, клана, формирования).

Интерес в этой связи представляют и устойчивые выражения типа: 'to come out on top' 1) победить в состязании, выйти на первое место 2) преуспевать в жизни 'to come to the top'; 3) отличиться, добиться успеха. Покорение вершины горы в данном случае ассоциируются с достижением определенного результата или успеха в жизни человека, что и находит свое отражение в языковых формах. Перцептивный признак размера, представленный в параметрах высоты, является основанием для переносного значения, что свидетельствует о первичности восприятия человеком параметрических характеристик материальных объектов и предметов окружающего мира и их когнитивной значимости для процессов вторичной категоризации действительности.

Во вторичной номинации, т.е. переносном варианте лексемы 'peak', актуализируются следующие значения: а) высшая точка, максимум; вершина (кривой); кульминационный пункт; б) пик значения, максимум. Ср. It was a time of peak demand for the product. March is one of the peak periods for our business. The athletes are all in peak condition. We need extra help during the peak season etc. В последнее время активно используется словосочетание 'prime time' (BrE also 'peak time', peak 'viewing time'): 1) передачи в то время, когда их смотрит максимальное количество телезрителей в вечерние часы; 2) самое удобное время (для телезрителей); 3) самое дорогое время (для рекламодателей). Основой сдвига в значении стал визуальный признак формы, который находит фиксацию в прямом номинативном значении лексемы peak 'the pointed summit of a mountain' — 'пик'; 'остроконечная вершина' (о горных массивах).

Отмечая значимость перцептивного опыта человека для метафорического осмысления мира, следует подчеркнуть, что чувственно воспринимаемая маркированность перцептивных концептов в первичном значении субстантивов является основой их транспозиции в другие нематериальные сферы во вторичной номи-

нации, которая обладает определенной «коннотативной нагруженностью». Необходимо указать и на различную значимость перцептивных признаков в динамических процессах вторичной номинации.

Несмотря на то что в этих процессах участвуют практически все виды перцептивных признаков, в сознании человека, вероятно, происходит определенная фокусировка внимания на наиболее релевантных признаках, их необходимая селекция, и, как результат, отсеивается нерелевантная информация. Здесь злободневно звучит мнение о том, что «из всех бесчисленных реальных связей между многогранными предметами и явлениями активно отбираются лишь некоторые, существенные для анализа причинно-следственных отношений и упорядоченного отражения реальной действительности» [1].

Наибольшей продуктивностью в процессах вторичной номинации, исходя из данных нашего исследования, обладают зрительно воспринимаемые признаки ‘размер’ и ‘форма’, поскольку они доступны непосредственному чувственному восприятию, как следствие, имеют наиболее глубинное психологическое основание для сравнения, что обеспечивает постоянную и универсальную эмпирическую основу для различного рода семантических сдвигов (в основном метафорических). Мы разделяем мнение Г.В. Колшанского о том, что «в прямой номинации сохраняется во всех словоупотреблениях основной понятийный признак предмета, а при непрямой и косвенной — один из существенных или второстепенных признаков, что и создает сдвиг в значении слова» [4]. Дальнейшее изучение динамических процессов вторичной номинации в семантической структуре многозначных субстантивов будет способствовать описанию перцептивного опыта человека во всем его бесконечном разнообразии, поскольку именно в этих когнитивных процессах проявляется связь восприятия с процессами концептуализации и категоризации мира.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аршавский В.В.* Мозг. О некоторых современных исследованиях (проблемы асимметрии мозга) // *Мир психологии*. — 1999. — № 1. — С. 29—46.
- [2] *Бабина Л.В.* Вторичная репрезентация концептов в языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. — Тамбов, 2003.
- [3] *Ивашкевич И.Н.* Перцептивные признаки как семантические компоненты лексического значения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Мн., 2003.
- [4] *Колшанский Г.В.* Лингво-гносеологические основы языковой номинации // *Языковая номинация (Общие вопросы)*. — М., 1977. — С. 99—147.
- [5] *Кубрякова Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1997.
- [6] *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знания о языке: Части речи когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
- [7] *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. — М.: Рус. словари, 2000.
- [8] *Телия В.Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. — М., 1981.

ON THE ISSUE OF THE ROLE OF PERCEPTION IN THE PROCESSES OF SECONDARY NOMINATION

I.N. Ivashkevich

The department of foreign languages
The Belarusian State University
Akademicheskaya str., 25-601, Minsk, 220072

The article is devoted to the study of the role of perception in the formation of new concepts in modern English in the processes of secondary nomination which are closely connected with dynamics of cognitive mechanisms of knowledge and human thought.

Key words: levels of cognition, perception, secondary nomination, perceptual feature, semantic derivation, meaning.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ АГРЕССИЮ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.В. Маслова

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье на материале толковых словарей выделяются основные компоненты значений глаголов, обозначающих агрессивные действия в русском языке.

Ключевые слова: вербальная агрессия, речевое поведение, сема, семантический анализ, глагол.

Исследование агрессии в настоящее время проводится в рамках различных гуманитарных наук: политологии, социологии, психологии, философии, культурологии и лингвистики. Агрессия считается явлением прежде всего психологическим, поэтому данное явление глубже всего исследовано в психологии.

В лингвистике изучение агрессии началось сравнительно недавно, и, следовательно, феномен вербальной агрессии еще мало изучен. Среди лингвистов, занимающихся исследованиями в данной области, нет единства в понимании сущности агрессии в речи, а также в выборе термина для ее обозначения. В настоящее время в научной литературе широко используются такие словосочетания, как вербальная агрессия, речевая агрессия, языковая агрессия, словесная агрессия и др.

Как отмечает Ю.В. Щербинина, «сложность определения понятия «вербальная агрессия» заключается прежде всего в том, что данный феномен нельзя назвать единой формой поведения, отражающей какое-то одно побуждение. Этот термин употребляется применительно к самым разнообразным речевым действиям, весьма неоднородным по мотивации, ситуациям проявления, формам словесного воплощения, интенциональной направленности, и поэтому не может быть исчерпывающе определен посредством таких обобщенных понятий, как «патогенная коммуникация», «негативное речевое воздействие», «грубость речи» и т.п.» [7].

Н.Ф. Михеева рассматривает речевую агрессию как целенаправленное речевое поведение и формулирует агрессию в речи следующим образом: «Нанесение обиды или оскорбления является выражением агрессии, поведения, направленного на отчуждение, отдаление и одновременно на унижение, подавление адресата. В социально-психологическом аспекте это — изменение дистанции, вторжение в личную зону и причинение ущерба. Язык представляет широкие возможности для подобного поведения, «обеспечивая» нас устоявшейся системой выражений с отрицательным значением» [4].

Наиболее общее и часто употребляемое определение агрессии для всех наук, занимающихся этой проблемой, выражается следующим образом: «агрессия — это любое действие, имеющее целью причинить вред другому».

Остановимся подробнее на семантическом анализе глаголов, выражающих агрессию в русском языке.

Цель данной работы — провести семантический анализ словарных дефиниций глаголов, выражающих агрессивные действия.

Рассмотрим значения глаголов указанной группы в хронологической последовательности, отражающей их дефиниции в словарях XX в.

«Большой Толковый словарь русских глаголов» под ред. Л.Г. Бабенко фиксирует следующие глаголы данной группы, функционирующие в речевом употреблении русских: *нападать*, *атаковать*, *штурмовать*, *вторгаться*, *ударить*, *бить*, *убивать*, *уничтожать*, *посягать*, *оккупировать*.

Так как в основе предмета нашего исследования лежит критерий намерения субъекта действия, то при проведении компонентного анализа глаголов указанной категории мы выделили те значения, которые отражают намерение агрессора по отношению к жертве.

Родовая сема исследуемой нами группы глаголов — «причинять вред кому-либо, чему-либо».

«Большой толковый словарь русских глаголов» выделяет следующие видовые семы глаголов, составляющих семантическое поле агрессии: «подвергать кого-либо, что-либо определенному воздействию с враждебной целью», «прекращать существование кого-либо, чего-либо», «принудительно лишать кого-либо, чего-либо».

Глаголы, обладающие видовой семой «подвергать кого-либо, что-либо определенному воздействию с враждебной целью», обозначают стратегии агрессивного поведения, которые различаются по таким критериям, как характер объекта (одушевленность/неодушевленность), образ действия и сфера деятельности: *нападать*, *атаковать*, *штурмовать*, *вторгаться*, *ударить*, *бить*, *посягать*, *оккупировать*.

В определениях большинства словарей XX в. глагол «нападать» содержит интегральную сему остальных глаголов указанной категории: «начинать действия с враждебной целью» [15; 12; 9].

Следует отметить, что в дефинициях словарей, изданных после 2000 г., выделяются новые семантические оттенки данного глагола.

Так, словарь Т.Ф. Ефремовой и словарь под ред. С.А. Кузнецова фиксируют дополнительные семы глагола «нападать», которые отражают основные сферы его употребления — военную и спортивную: «*спорт*. атаковать кого-либо, что-либо» [11]; «начать вооруженные действия против какого-либо государства» [9].

В Современном толковом словаре русских глаголов в дефиниции данного глагола появляются новые семы, характеризующие образ и цель обозначаемого им действия: «*быстрое*», «*стремительное*», «*с целью захвата, нанесения урона, ущерба*»: «подвергать кого-либо, что-либо агрессии, совершая быстрое, стремительное нападение с целью захвата, нанесения урона, ущерба» [10].

Синонимы глагола «нападать» — «атаковать» и «штурмовать», — употребляемые в военной сфере, отличаются по характеру действия и объекта.

Дефиниции глагола «атаковать», данные во многих толковых словарях, фиксируют базовый компонент его значения — «атака».

Толковые словари русского языка, изданные в XX в., выделяют первичное значение существительного «атака» — акт нападения, осуществляемый в процессе боевых действий или спортивных соревнований и обладающий характерным признаком — быстрота, — который обозначен разными семами.

Так, в 17-томном словаре Современного русского литературного языка выделяется одна сема данного существительного, обозначающая характер действия — «стремительное»: «воен. Стремительное наступление и нападение на неприятеля с целью завладения занятыми им позициями, вообще для нанесения ему удара» [16].

В словарях, изданных на рубеже XX—XXI вв. — С.И. Ожегова, В.В. Лопатина, Т.Ф. Ефремовой — выделяются дополнительные семы данного существительного, характеризующие действие с позиции субъекта и объекта — «решительное», «неожиданное» — относительно спортивной сферы его функционирования: «быстрое и решительное наступление (в спорте)» [13—16]; «быстрое, решительное или неожиданное нападение на соперника (в отдельных видах спорта)» [11]; «Спорт. Быстрое, решительное или неожиданное наступление на соперника [9].

Современный толковый словарь русских глаголов дает определение значению глагола «атаковать» в одном контексте — военной сфере — выделяя его дополнительную сему, обозначающую время осуществления действия: «в решающий момент»: «подвергать кого-н. (обычно) противника или какой-либо военный объект стремительному нападению в решающий момент наступления войск» [9].

Отличительным признаком глагола *штурмовать* является его сочетаемость с объектами, обозначающими неодушевленный предмет, которые зафиксированы во всех словарях XX в.: «крепость», «опорный пункт врага», «укрепленная позиция» [9; 11; 13; 14; 16].

Глагол *вторгаться* обозначает процесс проникновения на чужую территорию, объект которого имеет значение пространства и носит косвенный характер по отношению к жертве.

Главные семы данного глагола, присутствующие в определениях толковых словарей: «войти силой (В. на чью-либо территорию)» [13; 15; 16]; «войти силой (В. воздушное пространство страны)» [12]; «Насильственно входить, врываться, вступать куда-л.» [11]; «силой войти, вступать, ворваться куда-либо» [9].

В определениях глагола *ударить*, данных в толковых словарях XX в., выделяется главный компонент его значения — существительное «удар», которое, в свою очередь, определяется как однократное движение, обладающее такими семами, как сила («сильное», «с размаху») и быстрота («короткое», «резкое»): «короткое и сильное движение, непосредственно направленное на кого-нибудь, что-нибудь» [15; 16]; «резкий сильный толчок» [12]; «резкий сильный толчок, производимый с размаху» [9; 11].

При этом большинство словарей русского языка выделяют переносные значения глагола «ударить» — «нападать» и «предпринимать меры против кого-либо, чего-либо» — которые обладают общим признаком с первичным значением —

быстрота, выраженным следующими семами: «*обрушиться*», «*пресечь*», «*стремительное*», «*внезапно*».

В двух указанных значениях данный глагол выражает акт борьбы, который обретает новые семантические оттенки, фиксируемые словарями разных изданий, по мере усиления оценки его образа носителями русского языка: «напасть, обрушиться ударом», «пресечь» [13—16]; «напасть, обрушиться ударом», «принять решительные меры» [12]; «стремительно напасть, внезапно атаковать», «принять решительные меры, сильно наказать, пресекая что-либо» [8].

В отношении физической агрессии в Современном толковом словаре русских глаголов фиксируется одно значение глагола «ударить»: «производить удар по кому-либо, чему-либо, занося палку или какое-либо другое орудие и опуская его с размаху на кого-либо, чего-либо» [10].

Первичное значение глагола *бить*, относящегося к категории физической агрессии, выражает акт нанесения многократных ударов жертве с целью причинения ей физической боли.

При этом ряд толковых словарей, изданных после 2000 г., выделяет дополнительную сему, выражающую целенаправленность подобного действия — «*наказывать*»: «наносить кому-н. удары, колотить кого-н.» [16]; «кого-что: ударяя, причинять боль, избивать» [12—15]; «наносить удары, побои, избивать, наказывать» [10; 11].

Большинство толковых словарей выделяют 2 других значения данного глагола — «*побеждать*» и «*умерщвлять*», — которые придают ему контекстуальную направленность, а именно — функционирование глагола «бить» в трех сферах деятельности. Обозначая акт победы, данный глагол функционирует в военной и спортивной сферах, и в значении «умерщвлять» относится к охоте, сочетаясь с объектами, обозначающими животных.

В определениях Толковых словарей русского языка разных изданий два указанных значения глагола «бить» занимают разные иерархические уровни.

Так, в определении, данном в Словаре современного русского литературного языка, значение «умерщвлять» предшествует значению «побеждать»: «умерщвлять, убивать, поражать на охоте животных»; «наносить кому-нибудь поражение, побеждать кого-либо на войне» [16].

Это позволяет говорить о том, что последнее является производным от значения «умерщвлять», заимствуя характерную ему сему — «*поражать*».

В определениях, данных в словарях С.И. Ожегова, В.В. Лопатина, Т.Ф. Ефремовой, значение данного глагола «побеждать» занимает первое место относительно «умерщвлять», что позволяет нам сделать вывод о том, что с течением времени сфера функционирования данного глагола в значении «побеждать» играла большую роль для носителей русского языка по сравнению со сферой функционирования «умерщвлять».

Современный толковый словарь русских глаголов фиксирует одну сферу употребления глагола «бить» в значении «поражать» — охота: «умерщвлять, убивать кого-либо на охоте в большом количестве, поражая выстрелами или ударами какого-либо орудия» [9].

Глаголы, обладающие видовыми семами «лишать жизни кого-либо» и «отнимать у кого-либо что-либо принудительным путем», обозначают целенаправленность агрессивного поведения: *убивать, уничтожать, посягать, оккупировать*.

В определениях Толковых словарей русского языка глагол *убивать* содержит интегральную сему глаголов категории «лишать жизни кого-либо»: «лишать жизни, умерщвлять» [16]; «лишать жизни» [9; 10; 12—15].

Один из глаголов данной категории — *уничтожать* имеет значение «прекращать существование кого-либо, чего-либо», дифференциальная сема которого — «*истреблять*», фиксируемая всеми толковыми словарями XX в.: «разрушая, истребляя, прекращать существование кого-либо, чего-либо» [15]; «прекращать существование кого-либо, чего-либо, истреблять (врагов, болезни)» [12—15]; «разрушать, истреблять, прекращать существование кого-либо, чего-либо» [11].

Современный толковый словарь русских глаголов выделяет другую дифференциальную сему данного глагола, обозначающую форму действия — «*разорение*», на которую наслаивается дополнительная сема — «*полное*»: «подвергая кого-либо, что-либо полному разорению, разрушению, прекратить существование кого-либо, чего-либо» [10].

Глаголы, относящиеся к следующей категории предмета нашего исследования — «отнимать у кого-либо что-либо принудительным путем»: *посягать, оккупировать*.

«Посягать — лишать чего-либо, причинять ущерб вред кому-либо» [16]; «попытка (незаконная или осуждаемая) сделать что-нибудь, распорядиться чем-нибудь, получить что-нибудь. П. на чью-нибудь свободу, самостоятельность, собственность» [13; 14]; «пытаться завладеть чем-нибудь, нанести ущерб кому-нибудь, лишать кого-нибудь чего-нибудь. П. на чью-нибудь независимость, на чужую жизнь» [12]; «пытаться лишить чего-либо, причинить ущерб, вред кому-либо, чему-либо, пытаться завладеть, захватить, присвоить чужое [11]; «*книжн.* Пытаться незаконно сделать что-нибудь, распорядиться, завладеть чем-либо, получить что-либо» [9]; «делать попытку отнять что-либо у кого-либо, завладеть чем-либо, лишать кого-либо, чего-либо» [10].

В определениях толковых словарей русского языка глагол *оккупировать* содержит базовый компонент значения — существительное «*оккупация*», которое обозначает результат действия узкой контекстуальной направленности, сочетающегося с объектом, обозначающим территорию чужого государства. Дифференциальная сема данного глагола обозначает образ действия — «военной силой». При этом словари более ранних изданий (Словарь современного литературного языка, словарь С.И. Ожегова) выделяют дополнительную сему данного глагола: «временное».

«Оккупация — временное занятие чужой территории военной силой» [16]; «временное отторжение чужой территории военной силой» [13—15]; «занять чужую территорию военной силой» [12]; «насильственное занятие военной силой какого-либо государства, чужой территории» [11]; «отнимать территорию чужого государства (полностью или частично) насильно, путем военного захвата» [10].

Таким образом, глаголы, выражающие агрессию в русском языке, различаются по следующим признакам: образ действия, характер объекта и сфера реализации действия.

Наиболее часто критерием оценки глаголов данной категории выступает образ действия, выраженный такими прилагательными, как *короткое, сильное, быстрое, стремительное, решительное, неожиданное, насильственное, резкое, неодобрительное*.

На этом основании мы можем полагать, что агрессивная форма поведения в языковой картине мира русских обладает следующими свойствами: быстрота, характеризующаяся такими прилагательными, как *короткое, стремительное, резкое, неожиданное, решительное*; сила и насилие (*насильственно*).

При этом, с точки зрения носителей указанной лингвокультуры, агрессивная форма поведения предполагает наличие орудия действия, то есть предмета совершения агрессии, и зачастую осуществляется в процессе боевых действий и спортивных соревнований.

Прослеживая смысловые компоненты глаголов исследованной нами категории, которые были зафиксированы разными словарями, мы можем полагать, что в течение XX в. менялось оценочное отношение русских к феномену агрессии. Глаголы, обозначающие агрессивные действия, обретали новые оттенки значения, пополняясь новыми семами или теряя старые, что, в свою очередь, обуславливало главные критерии оценки данного феномена в различные периоды развития языка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бессонова Ю.А. К вопросу о методике компонентного анализа диалектных глаголов речи // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — Воронеж, 2008. — № 2. — С. 12—16.
- [2] Дубровенко К.Н., Вакуленко С.В. Методические указания к изучению спецкурса «Компонентный анализ значения слова». — М.: Издательство университета дружбы народов, 1990. — С. 48.
- [3] Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. — М., 1986. — С. 146.
- [4] Михеева Н.Ф. Выражение агрессии в речевом общении // V Степановские чтения. Язык в современном мире. На материале романо-германских и восточных языков. Мат. и докл. междунар. конференции. — М., 2005. — С. 16—19.
- [5] Новицкая И.С. Значение глаголов и вопросы компонентного анализа лексики // Слово как предмет изучения: Сб. научных трудов. — Л., 1977. — С. 88.
- [6] Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. На материале некоторых русских глаголов. — М., 1975. — С. 219.
- [7] Стернин И.А. Проблема анализа структуры значения слова. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. — С. 215.
- [8] Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. — М.: Наука, 2001. — С. 360.
- [9] Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 2004.
- [10] Большой толковый словарь русских глаголов / Под ред. Л.Г. Бабенко. — М.: АСТ, 2008.

- [11] *Ефремова Т.Ф.* Большой толковый словарь русского языка. — М.: Русский язык, 2000. — Т. 1, 2.
- [12] *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Русский токовый словарь. — М.: Русский язык, 1998.
- [13] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1981.
- [14] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1989.
- [15] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1991.
- [16] Словарь современного русского литературного языка. — М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1959.

SEMANTIC ANALYSIS OF VERBS DENOTING AGGRESSION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

O.V. Maslova

Department of foreign languages
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article determines the main meaning components of verbs denoting aggressive acts in Russian.

Key words: verbal aggression, aggression language, sema, semantic analysis, the verb.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСПАНСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ НА РАДИО

В.Е. Сибатров

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена лексическим характеристикам испанских рекламных текстов. И поскольку главным элементом любого радиообращения является *слово*, необходимо подробно рассмотреть главные элементы и механизмы построения рекламного радиоролика, с учетом лексических тонкостей, присущи данному жанру.

Ключевые слова: рекламный текст, радиоролик, лексические характеристики, слово.

Слово — основной строительный материал рекламного ролика на радио. С его помощью описывается товар или услуга. Другая функция слова в радиорекламе — привлечь внимание, создать и поддержать интерес, стимулируя желательный отклик. Теплоты человеческого голоса часто вполне достаточно, чтобы эффективно донести до слушателя суть рекламного послания.

При создании рекламного текста особую значимость имеют позитивно-оценочная и нейтральная лексика. Слова из обеих групп соединяются в устойчивые сочетания — рекламные клише, а также в обороты с модальной окраской просьбы, предложения.

Оценочные слова выражают понятия, связанные с интересами людей из различных сфер общественной жизни, представляющие на данном этапе общественного сознания ценность. Среди них можно назвать такие: *известность, престижность, популярность, доброта, авторитет, надежность, практичность, гармония*. Позитивно-оценочные слова отражают положительные стереотипы. На лексическом уровне в рекламных роликах используются следующие стилистические приемы: словотворчество, игра слов (омонимия, полисемия, антонимия), обыгрывание фразеологизмов.

Лексемы призваны наиболее выигрышно передать физические характеристики товара, его надежность, известность, репутацию производителя, наличие гарантии. Для выполнения этой задачи употребляются такие слова, как *seguridad* — *надежность*, *garantía* — *гарантия*, *calidad* — *качество*, *confiar* — *доверять*, *cierto* — *точный*, *etc.*

Dinero seguro. Dinero garantizado («Надежные деньги. Гарантированные деньги») — реклама сберегательных сертификатов.

El color de la calidad («Цвет качества») — реклама лакокрасочных изделий.

Лексические средства в этом случае, в первую очередь, направлены на то, чтобы убедить покупателя в уникальности или особенности данного коммерческого предложения. Это относится как к самому товару или услуге (для этой цели ис-

пользуются такие слова, как: *especial, único, raro, mejor*), так и к исключительности коммерческого предложения (*por primera vez, sólo con nosotros, nunca más, etc.*).

Usted nunca vio *cí*inema así — реклама кинотеатра.

Tarifas especiales para jóvenes — реклама авиакомпании.

Среди семантических процессов, характерных для функционирования РТ, заметное место принадлежит «улучшению» значения слов, созданию плюс-фактора, что выражается в соединении наименования товара или товарных знаков со словами, обладающими социальным престижем в обществе: *rey, princesa, duque, personalidad, confianza, prestigio, clase*. В словосочетаниях этому способствуют прилагательные также с положительной коннотацией: всеобщий, двойной, благородный, тонкий, оригинальный и т.д.

¡El Rey de Los DVD's! (“El Rey León”) — «Король ДВД!» (Мультфильм «Король Лев»).

Calidad Auténtica (Winston) («Истинное качество»).

Также имеет место употребление абстрактных существительных вместо конкретных.

CLARINS, al servicio de la belleza.

Для выражения высоких качеств товара и услуги в РТ широко применяется превосходная степень прилагательных и наречий, что обусловлено гиперболизацией достоинств товара, с максимальным усилением оценочности в высказывании.

El álbum más esperado del año — альбом Beyoncé.

Зачастую используются такие приемы, как **интенсификация и градация**.

Estarás orgulloso de tu móvil. Orgulloso. Muy orgulloso. Tremendamente orgulloso. TELEFÓNICA.

Часто лексические средства используются для того, чтобы подчеркнуть аспект **новизны**.

Por primera vez tu dinero crece tanto y tan rápido — реклама банка Caja Madrid.

Лексические средства, призванные подчеркнуть выгодность коммерческого предложения, его уникальность: *sólo, gratis, nunca*.

Sólo 50 euros.

Telefónee gratis — реклама банка BCI.

Гиперболы наблюдаются в рекламных текстах, непосредственно характеризующих товар или услугу с определенными рекламными задачами: преувеличение возможностей или демонстрация достоинств фирмы.

¡Un solo cabello es importante! — реклама клиники по пересадке волос.

¡Con HOME ENGLISH hablar francés de moda fluida es más fácil que nunca! — реклама языковых курсов.

Эпитеты — наиболее часто встречающееся средство создания лексической экспрессивности. Экспрессивность эпитета-прилагательного особенно возрастает,

когда он не только определяет оцениваемый предмет и подчеркивает какую-либо его сторону, но также переносит на него новое дополнительное качество, т.е. эпитет приобретает метафизическое свойство. Эпитеты можно подразделить на общеязыковые и индивидуально-авторские. В данном делении отражаются два противоречивых процесса, свойственных рекламе: стремление к стандарту и стремление к экспрессии. Частотны в радиорекламном тексте гиперболические эпитеты.

Las ventanas de Veka, actúan como un verdadero aislante para toda la vida... («Окна Veka — это настоящая тишина на всю жизнь»).

Зачастую при создании РТ используется превосходная степень. В таком случае превосходная степень достигает особой выразительности: “Philips, mejores no hay”. Сравнительная степень прилагательных употребляется редко, так как у рекламистов существует неписаное правило: не сопоставлять товарные знаки, не упоминать конкурента.

Наряду с исконной испанской лексикой, в РТ часто используются слова иностранного происхождения, преимущественно англицизмы.

Siempre en el top de ciclismo en España — реклама велосипедов.

Особенно это относится к рекламе, целевой аудиторией которой является молодежь:

“FORtuna, FOR you. FORtuna, FOR friends” — реклама сигарет.

Иногда известные фирмы-производители вообще отказываются от перевода своих слоганов: NOKIA. Connecting people.

Фразеологизмы (или идиомы) — это устойчивые сочетания слов, составляющих единое целое с точки зрения значения. Использование фразеологизмов широко применяется в создании РТ. Это вполне объяснимо: фразеологизмы яркие, красочны, образны и, наряду с этим, понятны носителям языка.

Удачно использованный в РТ фразеологизм становится бесплатным рекламным носителем. Употребляя его в повседневной речи, люди автоматически вспоминают о рекламной интерпретации выражения.

Кроме того, фразеологизмы, как правило, конкретны. Они выражают абстрактные понятия (чаще всего — из области психологии человеческого поведения или взаимоотношений) с помощью зримых предметных картин.

Обычно фразеологизмы используются в рекламном словесном творчестве в двух вариантах:

1) *парафраз*: рекламные фразы перефразируют фразеологизм, заменяя одно из составляющих его слов на созвучное. Например:

¡Los animales unidos jamás serán vencidos! — реклама мультфильма перефразирует рефрен известной песни Виктора Хары “El pueblo unido jamás será vencido”;

2) *чистый фразеологизм*. РТ просто использует готовый фразеологизм, в который включается слово, имеющее непосредственное отношение к объекту рекламы, практически не подвергая его формальному изменению.

A cara descubierta di adiós a la piel grasa. NIVEA.

LEXICAL FEATURES OF SPANISH ADVERTISING RADIO TEXTS

V.E. Sibatrov

Foreign Languages Department
People's Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article is devoted to the lexical features of Spanish advertising radio texts. System of advertisement language has several important characteristic features. The lexical structure of radio commercials is one of the most important components of this system.

Key words: advertising, advertising radio text, lexical features, word.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Чжан Юэбо

Кафедра русского языка и методики его преподавания

Филологический факультет

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 7, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена изучению языка СМИ в иностранной аудитории на современном этапе, на материале логоэпистем, которые могут быть использованы в преподавании РКИ в аудитории китайских русистов продвинутого этапа обучения.

Ключевые слова: СМИ, публицистический стиль, газета, экспрессия, логоэпистема, карнавализация языка СМИ, массовая культура.

Публицистический стиль вызывает интерес иностранной аудитории на занятиях по русскому языку, особенно в аудитории филологов продвинутого этапа обучения.

Газетно-публицистический стиль характеризуется наличием двух подстилей — газетно-информационного и собственно публицистического. Газетный и газетно-журнальный стили называют главными в сфере применения публицистического стиля. Газета является корнем и историческим первичным местом становления и функционирования этого стиля, так как по своей сущности данный вид СМИ старше остальных.

Тематика публицистического стиля почти неограниченна: это — политика, наука, экономика, философия, филология, культура, спорт, отдых, развлечения, повседневный быт и текущие события, происходящие во всем мире. Публицистическая сфера напрямую связана с областью социальных отношений, сегодня ни одно современное общество не в силах нормально функционировать без системы массовой коммуникации. Тексты публицистического стиля рассчитаны на максимально широкую аудиторию, стремятся сблизиться с адресатом и быть «на связи» с обществом. Таким образом, публицистика быстрее других стилей реагирует на самые новые и активные изменения. Эти изменения вызваны «обретением демократических свобод (печати слова), отменой цензуры, перестройкой системы СМИ под влиянием политического и идеологического расслоения общества, развитием конкурентных отношений между СМИ, изменением коммуникативного статуса аудитории» [3]. Тем самым газета является отражением «картины мира и времени», в котором мы живем.

«Карнавализация языка средств массовой информации, языка Интернета, да и языка повседневного бытового употребления стала привычной. «Строгие» тексты стали повсеместно заменяться «нестрогими». Бюрократический язык прошлого, «новояз», пародируется, личностное начало в речи возрастает, текстовое сопровождение рекламных клипов запоминается и активно включается в процесс

любого речепроизводства. Современные русские тексты нацелены на игру с получателями информации: в результате игровых манипуляций с языком получатель информации вынужден разгадывать словесные загадки... Современная массовая культура предлагает широкий выбор готовых речевых образцов на все случаи жизни. Во многом благодаря компьютеру и художественным произведениям постмодернистского толка мышление современного человека развивается в направлении от линейного к линейному. В переводе на обычный язык — понимание языковой формы базируется на владении знанием, которое за этой формой стоит» [1].

За последние 15 лет в жизни России произошли глубокие всесторонние изменения, которые нашли отражение в публицистическом стиле русского литературного языка. Это:

- заимствования;
- изменения значений слов;
- изменения в жанровой системе стиля;
- стилистические изменения СМИ.

Сегодня влияние газеты растёт, и В.Г. Костомаров определяет «единство сопряжения экспрессии и стандарта, составляющее специфику газетной речи, как основной стилистический принцип публицистики» [3].

В зависимости от жанра на первый план выступали поочередно экспрессия и стандарт, но в конце XX в. и в начале XXI в. стало проявляться преобладание стремления к экспрессии. Язык многих центральных газет освобождается от рамок стандарта, и в результате этого создаются обновленные черты, присущие современной прессе, что можно рассматривать как некий вклад в развитие языка. Рассмотрим некоторые из этих новых черт языка газеты.

В газете часто употребляется игра слов, влекущая изменения в семантике слов, употребленных в заголовках. Например:

- «Брак с иноземным акцентом» [«Родительский дом», 6 ноября 2009 г.];
- «Газовая романтика» [«РБК daily», 1 марта 2010 г.];
- «Водке перекрывают кислород» [«РБК daily», 1 марта 2010 г.];
- «Без вины виноватая» [«Родительский дом», 6 ноября 2009 г.];
- «Как повысить «урожайность» женщины» [«АиФ», 9—15 декабря 2009 г.];
- «Политический цирк — тоже удовольствие» [«АиФ», 9—15 декабря 2009 г.].

«„Однообразие униформы“ создавалось семь десятилетий. Потом советские газетные штампы стали неоднократно подвергаться высмеиванию — «зеленый массив», «белое золото», «закрома родины» и т.п. Когда на смену однообразию пришло разнообразие, как всегда (ведь всегда хотели как лучше) с водой чуть не выплеснули ребенка. Идеологемы оказались совсем не вечными и сейчас существуют только как объект пародирования... Идеологемы проходят, штампы остаются» [1].

В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова предложили называть такие языковые явления «логоэпистемами» и относить к ним фразеологизмы, крылатые слова, высказывания известных людей, знакомые носителям языка афоризмы, пословицы,

поговорки, говорящие имена и названия, строки стихотворений, песен, произведений художественной прозы, штампы тех или иных времен.

Раньше основным источником логоэпистем служила художественная литература; в зависимости от возникшей жизненной ситуации человек пользовался ими, демонстрируя свои культурные знания. Эти выражения рассчитывались на буквальное понимание, возможность употреблять их в свернутом виде, но с использованием узнаваемых ключевых слов. Зная фоновую информацию, угадывалось, откуда было взято выражение. Осмысление логоэпистемы требует осмысления ее на языковом и культурном уровнях.

Так как сейчас важнейшей функцией публицистического стиля является информационная, второй по значимости выступает воздействующая. В целях достижения специфики информации, отличной от остальных по яркости, «привлекательности», запоминаемости, журналисты, ориентируясь на информацию и на адресата, стараются максимально использовать все средства выразительности русского языка. Для добавления изюминки и пикантности придумывают все новые и новые языковые приемы и средства, нарушая нормы литературного языка. Ведь цель журналистов — не только донести информацию, но и заполучить «голос» и убедить аудиторию в необходимости определенного отношения и определенного поведения (воздействие на читателя).

Язык СМИ отражает те бурные и яркие изменения, которые происходят в эти годы. Как правило, популярно то, что выражает эмоции. В наше время российское общество, как и европейское, старается уйти от всего старого, вчерашнего и создавать новое и прогрессивное. Воздействующая функция, вызывающая экспрессию, шок, эмоциональность, становится ведущей вместе с информационной. Сегодня газета изобилует различными логоэпистемами. Лексика разных пластов общественной жизни пронизывает язык СМИ, что объясняет «демократичность» языка, где в стиле преобладает разговорная окраска.

Сейчас тексты, которые публикуются в русских СМИ и звучат по радио и телевидению, стали частично непонятными для восприятия их иностранцами из-за обилия нелитературных выражений. Для понимания их требуются определенные разъяснения, что необходимо при преподавании РКИ иностранным студентам, которым требуется платформа фоновых знаний об изучаемой стране.

Количество различных логоэпистем, которые функционируют в СМИ, не поддается исчислению. В процессе обучения иностранных студентов русскому языку преподавателю необходимо готовить распространенные, часто употребляемые, узнаваемые исходные формы логоэпистем, которые представлены в СМИ в видоизмененной форме, затем объяснять их изначальное значение и ситуативность употребления, создавать ситуацию, в которой они должны быть использованы, и дать возможность употребить нужную логоэпистему. Потом вернуться к статье, где была употреблена форма, прочитать статью. Одним из видов заданий может быть подготовка объяснений о причинах изменения изначальной формы логоэпистемы.

Например:

1. *«Чертова дюжина» — «Чартовая дюжина»*
Объяснить значение слова «дюжина» (что за число)?
Почему именно «чертова» дюжина?
Какое отношение в России к этому числу?
Исходя из этого объяснить, что значит измененная форма.
2. *«Хромая лошадь» — «Хромая совесть»* [«АиФ», 9—15 декабря 2009 г.]
Откуда известна «Хромая лошадь»?
Почему изменили слово «лошадь» на «совесть»?
Что выражает измененная форма?
После прочтения статьи объяснить, соответствует ли название содержанию статьи?
3. *«Как стать миллионером?» — «Как стать олигархом?»* [«АиФ», 9—15 декабря 2009 г.]
Откуда известно выражение «Как стать миллионером»?
Кто такой «олигарх»?
4. *«Старый конь борозды не портит» — «Старый конь борозды не проложит»*
Что значит «борозда»?
Объясните значение поговорки.
Объясните значение измененной формы, схожа ли она по значению с исходной формой?
Отражает ли новое значение суть статьи?
5. *«Есть ли жизнь после смерти» — «Есть ли жизнь после ТСЖ»*
В каких ситуациях употребляют в России это выражение?
Что значит аббревиатура ТСЖ?
6. *«Дело в шляпе» — «Тело в шляпе»*
Когда употребляют выражение «дело в шляпе», что оно обозначает?
В каких ситуациях возможно ее употребление?
Что обозначает измененная форма?
7. *«Встать, детсад идет» — «Встать, суд идет»* [«Известия», 18 марта 2010 г.]
Что такое «детсад»?
Где можно услышать выражение «встать, суд идет»?
8. *«Луч света в еврозоне» — «Луч света в темном царстве»* [«Известия», 28 октября 2010 г.]
Какой смысл несет словосочетание «темное царство» во фразеологизме «луч света в темном царстве» и откуда оно появилось в русском языке?
9. *«Как богатырь за Русь бился» — «Как „АиФ“ за Нобеля бился»* [«АиФ» 9—15 декабря 2009 г.]
Кто такой богатырь?
Что значит здесь словосочетание «за Нобеля бился»?
Где можно встретить это выражение?
10. *«Ну, погоди!»* [«АиФ», 9—15 декабря 2009 г.]
Объясните значение этого выражения и то, как оно появилось в русском языке.
11. *«...в Тулу со своим самоваром не ездят...»*
Что такое самовар? И почему в Тулу не ездят со своим самоваром?

12. «Молчи, женщина!»

Откуда это выражение и в каких ситуациях его употребляют в современном русском языке?

Там, где логоэпистема взята из фильмов, мультфильмов, сказок, можно ознакомить иностранного студента с ними, прочитав текст или показав кадры из фильмов.

После освоения конкретных логоэпистем можно дать задания творческого характера, чтобы студенты показали, поняли ли они и освоили ли значения рассматриваемых логоэпистем. Для закрепления значения нового материала (логоэпистем) можно использовать прием их сопоставления с фразеологией родного языка. Например: «*В Тулу со своим самоваром не ездят*», в китайском языке «*Носить камни, поднимаясь в гору*» — (дословно) и попробовать изменить на русский лад (Со своим камнем в гору не ходят).

Таким образом, подобный вид работы с газетным материалом в иностранной аудитории нацелен на формирование лексической компетенции и формирование фоновых знаний, что и предполагает методически организованная система приемов, предложенная нами для работы со средствами СМИ в иностранной аудитории (в данном случае китайской).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Жизнь в мимолетных мелочах — СПб.: Златоуст, 2006.
- [2] Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. — М.: Флинта; Наука, 2008.
- [3] Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. — М., 1971.
- [4] Материалы из газет «АиФ», «Известия», «РБК daily», «Родительский дом».

LEXICAL PECULIARITIES IN THE VOCABULARY OF THE NEWSPAPER STYLE AT THE CONTEMPORARY STAGE

Chzan Uebo

Department of the Russian Language and the Methods of its Teaching
Philological Faculty

People's Friendship University of Russia
Mikukho-Maklaya Str., 7, Moscow, Russia, 117198

This article is devoted to studying the mass media language in the Russian language classroom at the contemporary stage on the material of logoepistems that can be used for teaching Russian as a Foreign Language in the Chinese specialists in Russian philology classroom of advanced level.

Key words: mass media, newspaper style, newspaper, expressiveness, logoepistem, carnivalisation of the mass media language, mass culture.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПОЛИКУЛЬТУРНОГО, ПОЛИЛИНГВАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА*

Н.Ф. Михеева

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В данной статье идет речь об инновационных подходах к российскому языковому образованию. В рамках новой концепции была проведена Всероссийская научная школа для молодежи «Текстология сегодня: итоги, проблемы, методы», по итогам работы которой было проведено повышение квалификации молодых ученых, преподавателей, научных работников и опубликовано 2 сборника: учебное пособие и материалы выступлений.

Ключевые слова: языковое образование, инновационный подход, текстология, поликультурное, полилингвальное пространство.

Современные интеграционные процессы и активизация взаимодействия стран в условиях открытого и взаимосвязанного мира выдвигают государственные и иностранные языки в образовательные приоритеты, в обязательную компетентностную составляющую модели современного специалиста, в действенный инструмент подготовки молодого поколения к жизнедеятельности в новых условиях международного взаимодействия и сотрудничества. Поступательное развитие языкового образования на сегодняшний день также обусловлено ростом профессиональных и академических обменов. Задачами обеспечения международной интеграции и сотрудничества в социально-экономической деятельности обусловлено изменение требований к качеству подготовки специалистов. В последнее время владение государственным и иностранными языками (тремя и более) на уровне профессионально ориентированных коммуникативных навыков выделяется как один из обязательных компонентов будущей функциональной структуры их деятельности.

* Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», Гос. контракт № 14.741.11.0052.

Согласно современным требованиям к языковому образованию специалистов, основным направлением в стратегическом управлении языковым образованием является обеспечение:

- международно-стандартного качества языкового образования;
- конкурентоспособности образовательной продукции;
- инновационности языковой образовательной системы на основе интегрирующей взаимоадаптации дисциплин цикла «иностранный язык»;
- опережающей ориентированности на качественный уровень будущего;
- организации проектной деятельности будущих «неязыковых» специалистов.

Следовательно, требования к специалисту в сфере профессионального становления подразумевают формирование умения работать над междисциплинарными проектами, анализировать динамическое развитие мировой экономики, ориентироваться в изменяющихся условиях и приобретать новые знания с использованием нескольких языков и инновационных технологий.

Владение несколькими языками естественным образом расширяет возможности специалистов для взаимодействия с поликультурным миром. В связи с чем возникает острая необходимость в пересмотре языкового образования в многонациональной стране, выдвигающей требования к профессиональному уровню специалиста, с качеством их подготовки, соответствующим квалификационным общемировым стандартам, формированию будущего поколения России с развитой мировоззренческой культурой и сложившейся системой общечеловеческих ценностей.

Новые цели языкового образования требуют новой концепции профессионального языкового образования, имеющей интегрированный и комплексный характер образования, основанной на единстве научно-образовательных и технологического-прикладных организационных основ, на базе которой должна строиться система «неязыковой ВУЗ — предприятие». Объединенные предприятия в рамках такой системы, как совместные языковые кафедры, с учетом особенностей региона, обеспечат качественное выполнение социального заказа общества по подготовке специалистов — управленцев новой формации.

Президент РФ Дмитрий Медведев акцентирует свое внимание на партнерстве предприятий и вузов в подготовке кадров. Выявляя и изучая составляющие спроса потенциальных работодателей, корректируя на этой основе учебные программы, российские вузы укрепляют свое положение в системе «институт — студент — предприятие», подготавливая конкурентоспособных на рынке труда специалистов. Такая деятельность приобретает особую значимость в условиях переориентации российской высшей школы на многоуровневую систему подготовки специалистов и внедрения образовательных стандартов.

Требования к выпускнику «неязыковых» специальностей (экономических, юридических и др.) в сфере профессионального становления подразумевают формирование умения работать над междисциплинарными проектами, анализировать динамическое развитие мировой экономики, ориентироваться в изменяющихся

условиях и приобретать новые знания с использованием государственного, иностранных языков и информационных технологий.

Общеизвестна позиция Совета Европы о сохранении многообразия языков и культур, которая базируется на следующих идеях: «Чем больше языков знает человек, тем он богаче, терпимее и свободней». Полилингвальное пространство характеризуется массовой коммуникацией и информатизацией как глобальным социальным процессом, одной из особенностей которого является интеграция педагогического, технологического и информационного образования — открытое образование.

В контексте открытого образования подготовка кадров нового качественного уровня невозможна на существующей методологической платформе образования с фактологическим характером образования и традиционными технологиями обучения, исключающей развивающие, самообразующие и креативные формы обучения. Понимание необходимости преобразований в системе образования и постановка ее как ключевой социально-экономической проблемы, обеспечивающей конкурентоспособность страны в мировом сообществе, тем не менее, находят различные варианты решения даже в странах содружества, хотя их объединяет единое историческое прошлое и общая концептуальная платформа образования.

В рамках данного подхода на базе Российского университета дружбы народов (филологического факультета, кафедры иностранных языков) с 8 по 20 ноября 2010 г. была проведена Всероссийская научная школа для молодежи «Текстология сегодня: итоги, проблемы, методы», в которой приняли участие 160 молодых ученых, студентов, преподавателей, научных работников, занимающихся проблемами текстологии. Текстология — отрасль филологии, изучающая произведения письменности, литературы и фольклора в целях критической проверки, установления и организации их текстов для дальнейшего исследования, интерпретации и публикации.

Текстологическое исследование выступает и как способ изучения литературы. Закономерности развития литературы и различные общественные тенденции находят отражение в изменении текстов. Сравнительно-исторические и типологические исследования затруднительны без углубления в историю текста, которая дает представление о динамике текста и позволяет полнее, правильнее его понять. На основе истории текста осуществляется также реконструкция творческого процесса, что дает основу для изучения психологии литературного творчества, законов восприятия в разные эпохи. Текстология способствует филологической и историко-литературоведческой интерпретации произведения.

Во время работы школы было проведено пленарное заседание, в котором приняли участие ведущие отечественные ученые-филологи: депутат Государственной Думы В.В. Прозоровский, д.ф.н., проф., проректор по международной деятельности Российского университета дружбы народов В.Н. Денисенко, д.ф.н., проф., акад. МАН ВШ Н.М. Фирсова, д.ф.н., проф., акад. МАН ВШ Н.Ф. Михеева, д.ф.н., проф. Г.Н. Трофимова, к.ф.н., проф. В.П. Синячкин, к.ф.н., доц. Ю.Н. Эбзеева и др. После пленарного заседания состоялись семинары, мастер-классы, тренинги по ос-

новным вопросам текстологии. Самое главное, что хотелось бы отметить, — это активное участие студентов. Во всех мероприятиях молодые ученые принимали самое активное участие, начиная от вопросов магистрым ученым и заканчивая выступлениями на круглых столах и мастер-классах. На наш взгляд, следует как можно чаще проводить научные школы и конференции для молодежи!

По результатам работы Всероссийской научной школы для молодежи повысили свою квалификацию 102 человека — преподаватели, научные работники. Из них 47 учащихся получили Удостоверения государственного образца (М.С. Акимова, А.А. Анахаева, Е.С. Аскарлова, Ю.Д. Бадмаева, Е.С. Борисова, А.Г. Волкова, И.С. Грибанов, Е.Г. Дмитриева, Э.А. Закирова, Л.М. Закоян, Н.А. Кулешова, Г.Н. Ленъко, В.В. Матвиенко, А.А. Минасян, Н.С. Найденова, А.И. Остапенко, В.Е. Сибатров, Е.В. Смирнова, О.В. Шипилова, З.А. Усманова, А.В. Хлынов и др.). 55 человек (М.А. Белова, О.С. Воеводина, Е.В. Выборнова, Ю.А. Гришенина, А.В. Денисова, Д.А. Евдокимов, Е.Т. Кодоева, М.П. Криницына и др.) получили сертификаты международного образца.

Как показала научная школа, в области преподавания иностранных языков в контексте открытого образования встает задача «использования» интегрированного обучения. Такая интеграция диктуется логикой развития и процессом взаимопроникновения различных наук. Проникновение новых информационных технологий во все отрасли жизнедеятельности общества, в том числе в экономику страны и мира, позволяет сформулировать новые направления интеграции обучения: языки, экономика и информационные технологии.

Интегрирующая модель пока не только акцентируется лингводидактами, но и не выводится на уровень методологических принципов, хотя именно интегрированное изучение языков в контексте открытого образования является эпицентром пересечения многих наук и обладает следующим потенциалом: обеспечивает совокупность средств, содержания и методов обучения, характерных для мирового сообщества; опыт жизнедеятельности в мировом экономическом пространстве. Информационно-коммуникационные технологии при обучении государственному и иностранным языкам обеспечивают возможность взаимодействия в открытом пространстве.

В свою очередь, проблема эффективного обучения иностранным языкам приобретает новые приоритеты и оттенки. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс усиливает мотивацию студентов к повышению общей коммуникативной и профессиональной коммуникативной компетенции и модифицирует традиционные методы обучения, сочетая их с новыми технологиями. Соответственно, при этом необходимо значительная интенсификация процесса обучения языкам путем применения эффективных методик, в частности, проектной методики, способствующей совершенствованию обучения государственному и иностранным языкам в вузе в соответствии с требованиями Государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования РФ.

CURRENT APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN EDUCATION AS MULTICULTURAL, POLYLINGUAL SPACE

N.F. Mikheeva

Department of foreign languages
The Faculty of Philology
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article is about innovational approaches of Russian language education. Within the new concept it was carried Russian national scientific school for youth «Textology today: results, problems and methods». According to the results of the school it was carried out a training of young scientists, teachers, researchers and published 2 books: text-book and materials of performances.

Key words: language education, innovational approach, textology, polycultural, polylingual space.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Л.В. Кривошлыкова, А.П. Пушкина

Кафедра иностранных языков

Филологический факультет

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются психологические основы обучения английскому языку на базе современных зарубежных подходов на примере метода проектов с учетом типа личности студента.

Ключевые слова: дифференцированное обучение, психолингвистика, мотивация, межкультурное общение, психологические основы обучения, инновационный подход к обучению, интеллектуальные способности, тип личности.

Ключевым моментом современного образовательного процесса является его инновационность — готовность и способность человека к разработке новых идей, новых технологий и их внедрению. Инновационность предусматривает развитие научного творчества в процессе работы, достижение определенных значимых результатов. Главной составляющей инновационного подхода к обучению является «деятельностный подход в контексте личностно-ориентированной деятельности» [2].

Методические исследования в области практического изучения иностранного языка особенно остро ставят вопрос о специфической связи методики и психологии. По Н.В. Рахманову, весьма важным моментом, теснейшим образом связывающим методику преподавания иностранного языка с психологией, является положение о единстве речи и мышления [3].

Современная отечественная методика традиционно опирается на четыре общих подхода (стратегии) обучения.

1. *Бихевиористский подход*, в основе которого лежат взаимоотношения «стимула» и «реакции». Главная задача обучения состоит в формировании навыков посредством интенсивной тренировки.

2. *Индуктивно-сознательный подход* базируется на интенсивной работе над многочисленными примерами, что постепенно приводит к овладению языковыми правилами и речевыми действиями.

3. *Познавательный подход* реализуется в усвоении элементов теории изучаемого языка в виде работы над изучением правил фонетики, грамматики, словоупотребления.

4. *Интегрированный подход* реализуется в соединении сознательных и подсознательных компонентов структуры обучения [1].

В последние десятилетия методисты, психологи и педагоги англоязычных стран все чаще говорят о дифференцированном подходе к обучению иностранным языкам, что, по их мнению, обуславливается существованием различных структур личности [1].

Действительно, ни для кого не является секретом тот факт, что преподаватель иностранного языка в своей работе имеет дело со студентами разного уровня, разной подготовки, причем в рамках одной группы. Такие группы принято называть разноуровневыми/«mixed-ability classes». Для одних учащихся характерен слуховой тип памяти, абсолютный слух, способность к имитации, для других — зрительный или моторный тип памяти, отсутствие музыкального слуха, специальные перцептивные умения логического плана.

При выборе стратегии обучения и методических принципов необходимо учитывать структуру личности, которая позволяет учащимся лучше усваивать учебный материал, овладевать речевыми моделями и грамматическими формами.

В этой связи нам кажется весьма удачным данное Дж. Роузом (директором отдела по подготовке преподавателей английского языка в международной школе в Лондоне) сравнение учебного процесса (урока) с лифтом. А именно: всем нужно попасть в лифт. Кому-то из студентов удастся зайти в него без проблем, кому-то придется проталкиваться. Некоторые доедут до верхнего этажа, другие остановятся на третьем, а кто-то поднимется лишь до второго этажа. Но каждый из них, так или иначе, продвигается вверх. Главное, чтобы учащийся чувствовал, что присутствовал на занятии не зря, что достиг определенных успехов. Но зачастую уже на начальном этапе преподаватель «приклеивает» к студентам такие ярлыки, как «хороший», «средний» или «слабый», и относится к ним соответственно в течение всего курса обучения. И далеко не каждый студент, получивший подобный ярлык, пытается изменить свой статус в глазах преподавателя [6].

На наш взгляд, существует целый ряд причин, являющихся временными и преодолимыми, которые влияют на успешность усвоения учебного материала. Назовем основные:

- отсутствие/наличие базовых знаний;
- неудачный предыдущий опыт изучения иностранного языка;
- способности к изучению иностранного языка;
- стиль обучения (у каждого студента он индивидуален);
- отношение к обучению;
- мотивация;
- «приклеенный» ярлык слабого студента (отсюда отсутствие мотивации);
- «приклеенный» ярлык сильного студента (излишняя самоуверенность мешает совершенствоваться);
- физиологические особенности (быстрая утомляемость, рассеянное внимание);
- недостаточная физиологическая зрелость по сравнению с другими (лишает студента уверенности в своих силах).

Не вызывает сомнений тот факт, что преподаватель не может не учитывать психологических, физиологических, интеллектуальных особенностей студента.

В статье «Искусство педагогики» / “The art of teaching” авторы предлагают таблицу, которая помогает педагогу выбрать наиболее эффективные виды деятельности для каждого типа личности с точки зрения несовпадающих интеллектуальных способностей (intelligences) и функциональных особенностей анализаторов учащихся.

По форме восприятия информации различают следующие группы обучаемых и свойственные им способности (табл. 1):

Таблица 1

Доминирующие виды деятельности с учетом типа личности студента

Тип личности	Доминирующие виды деятельности
Verbial-Linguistic Вербально-лингвистический	storytelling — повествование retelling — пересказ speaking — говорение debating — обсуждение presenting — представление, презентация, доклад reading aloud — чтение вслух dramatizing — инсценировка nonfiction reading — чтение научной литературы researching — исследовательская деятельность listening — аудирование process writing — эссе, сочинения, изложения writing journals — создание журналов
Logical-Mathematical Логико-математический	problem solving — решение проблем measuring — измерения coding — кодирование, маркирование sequencing — планирование, установление последовательности critical thinking — критическое мышление predicting — попытка угадать, почувствовать playing logic games — логические игры collecting data — сбор информации experienting — проведение экспериментов solving puzzles — решение логических задач, кроссвордов, загадок classifying — описание, сортировка learning scientific model — изучение научных моделей using geometry — использование геометрии
Visual-Spatial Визуально-пространственный	graphing — работа с графическим изображением photographing — фотография making visual metaphors — создание зрительных образов making visual analogues — создание зрительных аналогов mapping stories — составление рассказа по картинкам making 3D projects — создание 3D-проектов painting — рисование illustrating — иллюстрирование using charts — использование таблиц и схем visualizing — визуализация sketching — создание эскизов, схем patterning — моделирование visual puzzles — визуальные задачи
Bodily-Kinesthetic Физико-кинестетический	hands on experimenting — непосредственное участие в исследовании physical education activities — физические упражнения crafts — ремесла dramatizing — инсценировка using cooperative groups — работа в группах dancing — танцы
Musical Музыкальный	humming — напевание мелодии rapping — постукивание playing background music — использование фоновой музыки patterns — мелодический рисунок forms — модели, образцы playing instruments — игра на музыкальных инструментах tapping out poetic rhythms — выстукивание ритма rhyming — рифмование singing — пение

Тип личности	Доминирующие виды деятельности
Interpersonal Межличностный	classroom parties — аудиторные мероприятия peer editing — взаимоконтроль sharing — разделение обязанностей, ролевые игры group work — групповая работа peer teaching — обмен опытом conflict mediation — урегулирование споров discussing — обсуждение brain storming — поиск творческих идей (мозговой штурм)
Intrapersonal Внутриличностный	personal response — индивидуальные ответы individual study — самостоятельное изучение personal goal setting — индивидуальная постановка цели individual projects — индивидуальные проекты journal log keeping — ведение рубрики в журнале personal choice in projects — индивидуальный выбор проекта independent reading — индивидуальное чтение
Naturalistic Натуралистический	reading outside — чтение на природе cloud watching — наблюдение за облаками identifying insects — определение насекомых identifying plants — определение растений using microscope — использование микроскопа bird watching — наблюдение за птицами going to the zoo — поход в зоопарк

Источник: [5].

Некоторые виды деятельности, предлагаемые авторами, на первый взгляд кажутся неприемлемыми при работе со взрослой аудиторией, в частности, натуралистическому типу личности предлагаются такие «нелепые» задания, как работа с микроскопом, наблюдение за облаками, поход в зоопарк. Однако в каждой группе всегда найдется один, а то и несколько студентов натуралистического склада, которым сложно работать с таблицами, списками тематического вокабуляра, но при правильно выбранном задании (посещение музея, парка, чтобы собрать необходимый материал, сделать фото, побеседовать с посетителями, и как результат — составить рассказ или написать эссе на заданную тему с последующей презентацией) дает положительный результат, достигается одна из промежуточных целей — повышение мотивации. И если объединить этого студента с другими, например, физико-кинестетическим или визуально-пространственным типом личности, будьте уверены, что в конце семестра вы увидите успешный проект или яркую запоминающуюся презентацию.

Учитывая приведенный в таблице перечень индивидуальных способностей к восприятию информации, преподаватель должен попытаться выстроить занятие так, чтобы не только задействовать каждого студента в группе, но и вызвать мотивацию к получению, переосмыслению и усвоению информации.

Мы предлагаем одно из наиболее оптимальных, на наш взгляд, решений данной задачи. Это — так называемый **метод проектов**. Данный метод заключается в том, что после изучения определенной темы («Современная семья», «Проблемы со здоровьем» и др.) студенты готовят и защищают на иностранном языке собственные проекты по данной теме, а точнее — отдельные аспекты в рамках этой темы согласно типу личности.

Сам по себе проект — это результат самостоятельной исследовательской работы студентов с обязательной презентацией (инсценировка, обсуждение, ролевая игра и т.д.) на иностранном языке. При таком подходе каждый студент получает возможность проявить себя, творчески подойти к заданию. Надо отметить, что студентам метод проектов очень импонирует и они работают над ним с удовольствием, так как грамотно распределенные роли практически гарантируют успешное выполнение заданий, предложенных педагогом с учетом типа личности конкретного студента.

Предлагаем вашему вниманию примерный план для выполнения проекта по теме «Проблемы со здоровьем» с учетом индивидуальных способностей студентов (табл. 2).

Таблица 2

TOPIC: Health problems

	STUDENTS	TASK
1.	Visual Spatial	Read articles, interviews and make a chart or a diagram/scheme of health problems beginning with the most serious ones to your mind.
2.	Logical-Mathematical	Choose one of health problems (smoking, drug taking, overeating, not going in for sports), give reasons for such and such problem, classify them and propose the solution for problems in question.
3.	Verbal-Linguistic	Collect data or do a kind of research as for health problems of your friends, parents, neighbours. Make a story about each of them and make an emphasis on the causes which led to poor health.
4.	Bodily-Kinesthetic	Persuade your classmates by dramatizing a scene and using cigarettes that smoking is bad, that doing exercises keeps you fit.
5.	Naturalistic	Do a kind of research using different packets of cigarettes, boxes of sweets/chocolate/cookies or products with high percentage of fat, or whatever, on the one hand, and milk products, vegetables on the other, and prove that some products are very dangerous, others are necessary for your health.
6.	Musical	Collect some songs or/and poems about health. Explain the reason for choosing this or that material.
7.	Interpersonal	Write a script of a scene and dramatize it (between a doctor and a patient); or an interview with a sportsman/ famous dietitian and dramatize it.
8.	Intrapersonal	Make your personal choice in the project taking into account of changes in your own health or your relatives' health. What would you change in your or their life?

Как видно из табл. 2, преподаватель, выступая в роли координатора, предлагает студенту подходящий его типу личности аспект проекта. В результате каждый из студентов добивается определенной цели и успехов. Необходимо отметить, что в нашей практике не было случаев «провального» проекта. Презентации проходят с энтузиазмом, все принимают активное участие в дискуссиях, выражают собственное мнение, причем только на иностранном языке.

Мы хотели бы подчеркнуть, что работа с проектами дает возможность каждому не только закрепить и расширить вокабуляр по той или иной теме, но и научиться самостоятельно и творчески подходить к заданиям, добиваться успеха, чувствовать себя равным в группе (особенно это необходимо слабому студенту для дальнейшей мотивации) и, наконец, преодолеть боязнь выступления перед аудиторией.

Педагогу важно помнить, что максимально раскрыть и реализовать потенциальные способности студента при обучении иностранному языку представляется возможным только при учете его психологических, физиологических, интеллектуальных особенностей. Урок — это творчество, а подготовка к нему — всегда мозговой штурм, «ориентированный четко на реальный практический результат, значимый для каждого студента, участвовавшего в разработке проекта» [2].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ляховицкий М.В.* О некоторых базисных категориях методики обучения иностранным языкам // *Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия* / Сост. А.А. Леонтьев. — М.: Русский язык, 1991. — С. 28—38.
- [2] *Михеева Н.Ф.* Методика преподавания иностранных языков: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. — М.: РУДН, 2010.
- [3] *Рахманов И.В.* Некоторые вопросы методики обучения иностранным языкам в средней школе // *Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия* / Сост. А.А. Леонтьев. — М., 1991. — С. 9—20.
- [4] *Яновская Л.В.* Основы психологии. — М.: ТД «Издательство Мир книги», 2007.
- [5] URL: <http://www.teachervision.fen.com>
- [6] URL: <http://www.trudimsya.net/motiv.html>

PSYCHOLOGICAL PRINCIPLES OF CONTEMPORARY ENGLISH TEACHING METHODS

L.V. Krivoshlikova, A.P. Pushkina

Department of foreign languages
The Faculty of Philology
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with psychological fundamentals of contemporary foreign English teaching approaches on the basis of the project method taking into account of students' intelligences and types of personality.

Key words: differentiated teaching, psycholinguistics, motivation, intercultural communication, psychological fundamentals of teaching, innovative approach to teaching, intelligences and types of personality.

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ

А.В. Михеева

Кафедра социальной и дифференциальной психологии
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье предлагается методика диагностики стрессоустойчивости личности. Методика основана на предположении о том, что стрессоустойчивость является многокомпонентным явлением и что по изменениям показателей компонентов можно судить об изменении стрессоустойчивости.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, диагностика, психическое состояние, мотивация, коэффициент корреляции Пирсона.

Стрессоустойчивость, на наш взгляд, это — интегративное свойство личности, характеризующееся таким взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных и мотивационных компонентов психической деятельности, которое в сложной эмотивной обстановке обеспечивает человеку способность руководить своими эмоциями, сохранять высокую профессиональную работоспособность, адекватное функционирование и определенную направленность своих действий.

Заметим, что многие авторы вкладывают многокомпонентность в определение понятия «стрессоустойчивость».

Так, Н.И. Бережная рассматривает стрессоустойчивость как качество личности, состоящее из совокупности следующих компонентов:

- а) психофизиологического (тип, свойства нервной системы);
- б) мотивационного;
- в) эмоционального опыта личности, накопленного в процессе преодоления отрицательных влияний экстремальных ситуаций;
- г) волевого, который выражается в сознательной саморегуляции действий, приведении их в соответствие с требованиями ситуации;
- д) профессиональной подготовленности, информированности и готовности личности к выполнению тех или иных задач;
- е) интеллектуального — оценка требований ситуации, прогноз ее возможного изменения, принятие решений о способах действий [1].

П.Б. Зильберман перечисляет эмоциональные, волевые, интеллектуальные и мотивационные компоненты стрессоустойчивости [3].

В свою очередь, А.А. Реан и А.А. Барановым было определено, что стрессоустойчивость определяется трудовой мотивацией, социально-психологической толерантностью, высоким уровнем внутреннего локус-контроля и самооценки, а также истинной адаптацией конструктивного типа [7].

Другие исследователи вкладывают в стрессоустойчивость такие компоненты, как способность быть эмоционально стабильным или психически устойчивым (Н.Д. Левитов, П.Б. Зильберман, Я. Рейковский, В.Л. Марищук, В.Г. Норакидзе, К.К. Платонов, А.Г. Маклаков), надситуативная активность (В.А. Петровский),

поисковая активность (В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский), сопротивляемость (C.S. Carver, A. Antonovsky), смыслопорождение (Ф.Е. Василюк), творческое поведение, не привязанное к биологическим факторам (Ф.Е. Василюк, К. Роджерс, А. Маслоу, Г. Олпорт, В.И. Кабрин), выносливость (жизнестойкость) (S. Kobasa, M.C. Pucetti, C. Мадди).

Таким образом, стрессоустойчивость, по нашему предположению, представляет собой комплексное явление, имеющее ряд структурных компонентов.

Чтобы проверить наше предположение, мы провели следующий эксперимент. Группа в составе 87 человек проходила 3-месячный курс йоги из 24 занятий. В состав группы входили мужчины и женщины от 20 до 65 лет.

До и после эксперимента участники группы были протестированы опросником диагностики стрессоустойчивости С.В. Субботина, опросником по шкале тревожности Спилбергера—Ханина, опросником структуры темперамента В.М. Русалова, Фрайбургским личностным опросником (FPI), личностным опросником (ЛиО) Шострома.

Изучив выбранные нами методики диагностики психического состояния личности с описаниями и характеристиками входящих в них показателей, мы выделили те показатели, которые, на наш взгляд, являются структурными компонентами стрессоустойчивости, а именно: реактивная тревожность (РТ) и личностная тревожность (ЛТ) по опроснику Спилбергера—Ханина; предметная эргичность (П эр), социальная эргичность (С эр), пластичность (Пл), социальная пластичность (С пл), эмоциональность (Эм), социальная эмоциональность (С эм) по опроснику структуры темперамента Русалова; Шкала IV (раздражительность), Шкала VI (уравновешенность) и Шкала XI (эмоциональная лабильность) по опроснику FPI; Тс (компетентность во времени), I (поддержка), SAV (ценностные ориентации), Ех (гибкость поведения), Fr (сензитивность к себе), S (спонтанность), Sr (самоуважение), Sa (самопринятие), Nc (представления о природе человека), Sy (синергия), А (принятие агрессии), С (контактность), Cog (познавательные потребности) и Cr (креативность) по личностному опроснику Шострома.

Для того чтобы проверить верность нашего предположения, мы выяснили степень корреляции каждого из отобранных нами показателей с показателем стрессоустойчивости по опроснику С.В. Субботина методом вычисления коэффициента корреляции Пирсона (r). Для расчетов мы использовали показатели группы до и после эксперимента.

Коэффициент корреляции Пирсона (r) — безразмерный индекс в интервале от $(-1,0)$ до $(+1,0)$ включительно, который отражает степень линейной зависимости между двумя множествами данных. Значение $r = 0$ означает отсутствие линейной связи между переменными. Положительные значения коэффициента ($r > 0$) свидетельствуют о прямой линейной связи, отрицательные значения коэффициента ($r < 0$) свидетельствуют об обратной линейной связи.

Степень, сила или теснота корреляционной связи определяется по величине коэффициента корреляции.

Сила связи не зависит от ее направленности и определяется по абсолютному значению коэффициента корреляции. Чем ближе его значение к границе диапазона, тем сильнее связь [8].

Общая классификация корреляционных связей: сильная, или тесная при абсолютном значении коэффициента корреляции $r > 0,70$; средняя при $0,50 < r < 0,69$; умеренная при $0,30 < r < 0,49$; слабая при $0,20 < r < 0,29$; очень слабая при $r < 0,19$ [4].

В общем виде формула для подсчета коэффициента корреляции такова:

$$r_{xy} = \frac{\sum (x_i - \bar{x}) \cdot (y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum (x_i - \bar{x})^2 \cdot \sum (y_i - \bar{y})^2}},$$

где x_i — значения, принимаемые в выборке X , y_i — значения, принимаемые в выборке Y ; $\bar{x}$ — средняя по X , $\bar{y}$ — средняя по Y [10].

Для расчета коэффициента корреляции в Microsoft Excel 2007 используется функция PEARSON(массив1; массив2) или КОРРЕЛ(массив1; массив2), где массив1 — множество независимых значений, массив2 — множество зависимых значений [5].

Данные наших вычислений мы занесли в табл. 1.

Таблица 1

Коэффициент корреляции Пирсона до и после проведения эксперимента

Показатель	До	После
Опросник Спилбергера-Ханина		
реактивная тревожность	0,85	0,92
личностная тревожность	0,76	0,90
Опросник структуры темперамента Русалова		
предметная эргичность	–0,86	–0,91
социальная эргичность	–0,90	–0,95
пластичность	–0,87	–0,92
социальная пластичность	–0,87	–0,94
эмоциональность	0,87	0,94
социальная эмоциональность	0,89	0,95
Опросник FPI		
раздражительность	0,89	0,94
уравновешенность	–0,88	–0,94
эмоциональная лабильность	0,89	0,94
Личностный опросник Шострома		
компетентность во времени	–0,88	–0,93
поддержка	–0,85	–0,91
ценностные ориентации	–0,84	–0,89
гибкость поведения	–0,88	–0,91
сензитивность к себе	–0,86	–0,91
спонтанность	–0,88	–0,93
самоуважение	–0,85	–0,90
самопринятие	–0,88	–0,92
представления о природе человека	–0,88	–0,91
синергия	–0,87	–0,93
принятие агрессии	–0,86	–0,91
контактность	–0,89	–0,93
познавательные потребности	–0,87	–0,91
креативность	–0,89	–0,92

Как мы видим, наши предположения оказались верны. Все показатели продемонстрировали высокую степень корреляции с показателями стрессоустойчивости по опроснику С.В. Субботина.

Таким образом, мы можем исследовать стрессоустойчивость всесторонне — наблюдая, как меняются показатели, являющиеся, как мы убедились, структурными компонентами стрессоустойчивости. И, следовательно, по изменению этих показателей мы с высокой степенью вероятности можем судить об изменении уровня стрессоустойчивости испытуемых.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бережная Н.И.* Стрессоустойчивость оперативных сотрудников таможенных органов // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25—28 июня 2003 г.: в 8 т. — СПб, 2003. — С. 452—459.
- [2] *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. — СПб., 2009.
- [3] *Зильберман П.Б.* Эмоциональная устойчивость оператора // Очерки психологии труда оператора. — М., 1974.
- [4] *Ивантер Э.В., Коросов А.В.* Основы биометрии: Введение в статистический анализ биологических явлений и процессов. — Петрозаводск, 1992.
- [5] *Бернс П.Дж., Берроуз Э.* Секреты Excel 97. — М., 1999.
- [6] Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. — СПб., 2006.
- [7] *Реан А.А., Баранов А.А.* Факторы стрессоустойчивости учителей // Вопросы психологии. — 1997. — № 1. — С. 88—99.
- [8] *Русаков А.А., Богатырева Ю.И.* Методы математической статистики и анализ данных психолого-педагогических исследований. — Тула, 2004.
- [9] *Щербатых Ю.В.* Психология стресса и методы коррекции. — СПб., 2008.
- [10] *Ямщиков Л.Ф.* Применение математической статистики при измерениях и испытаниях. — Екатеринбург, 2007.

THE METHOD OF THE STRESS'S DIAGNOSIS

A.V. Mikheeva

Department of foreign languages
The Faculty of Philology
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article offers a method of diagnosis of stress tolerance of the individual. The technique is based on the assumption that stress is a multi-component phenomenon, and that changes in the indices of components can be judged from the change of stress resistance.

Key words: stress, diagnostics, mental health, motivation, Pearson correlation coefficient.

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛА ПО ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ БРИТАНСКОГО ФОЛЬКЛОРА: О РОЛИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

Ю.П. Невмержицкая

Кафедра иностранных языков
Сочинский институт (филиал)
Российский университет дружбы народов
ул. Куйбышева, 32, Сочи, Россия, 354341

В статье рассматриваются проблемы ценностно-смыслового развития личности студента вуза в процессе изучения материала по духовной традиции британского фольклора. Иностранный язык — английский — выступает инструментом вхождения личности в мир традиционной духовной культуры страны изучаемого языка.

Ключевые слова: английский язык, ценностно-смысловой аспект, британский фольклор, пословицы.

Архитектура образовательного пространства современных высших учебных заведений такова, что все студенты, независимо от специальности, изучают иностранный язык, а в языковых вузах — несколько иностранных языков. Среди иностранных языков чаще всего изучается английский язык. Функции английского языка в современном обществе действительно многообразны: язык международного общения, язык Интернета, язык межотраслевой и т.д., поэтому необходимость изучения английского языка не вызывает сомнения и достаточно мотивирована в студенческой среде. Однако изучение иностранного языка и владение иностранным языком не должно сводиться лишь к прагматическим целям.

На наш взгляд, изучение иностранного языка и владение им предполагает обогащение духовной сферы личности знаниями о культуре, верованиях, обычаях, традициях народа/народов страны изучаемого языка, эмоционально-ценностными суждениями и переживаниями. Таким образом, включением в процесс обучения английскому языку в языковом вузе элементов спецкурса духовной традиции британского фольклора достигается наиболее широкое культурное информирование студенческой молодежи, обогащение ее духовного потенциала.

В процессе ценностно-смыслового развития личности студента вуза духовная традиция британского фольклора занимает особое место. Обращение к традиционной духовной культуре народа страны изучаемого языка играет важнейшую роль в присвоении ценностей, обретении личностью жизненных смыслов, а значит и построении дальнейшей жизненной перспективы. Поэтому привлечение материала по духовной традиции британского фольклора в образовательный процесс вуза является педагогически оправданным и целесообразным.

Ценностно-смысловой аспект включения в спецкурс духовной традиции британского фольклора *пословиц и поговорок* заключается в следующем: в пословицах и поговорках содержится вся многовековая мудрость народа, целый комплекс заповедей и наставлений. Пословицы и поговорки, несмотря на предельную

краткость и простоту, отличаются большой содержательностью, представляют собой четкое суждение, ясное выражение определенной мысли, обобщение, вывод из жизненных наблюдений и социально-исторического опыта народа. «Пословицы оцениваются как проявление народного ума, народной жизни, народного характера, составляя важную и чрезвычайно интересную часть национальной культуры» [2].

Пословицы и поговорки являются выразительным средством актуализации духовной традиции британского фольклора. Отражая проблематику, которая с годами не становится менее актуальной, пословицы в то же время обладают малой формой, которая позволяет включать их в непосредственную, живую речь, в отличие от других фольклорных жанров, например, сказок, которые исполняются для слушателя специально.

В пословицах отражается такая сущностная особенность устного народного творчества, как *коллективность*, недаром многие пословицы в английском языке имеют свои аналоги в русском (A bird in a hand is worth two in a bush. — Синица в руке дороже, чем журавль в небе.).

Ряд пословиц в английском языке, как и в русском, несут иносказательный смысл. Так, например, «as snug as a bug in a rug» означает «Жить припеваючи». Отдельные пословицы имеют противоречивое значение, но, при всем видимом противоречии, они только дополняют друг друга, позволяя узнать предмет разговора более многогранно. Одна пословица гласит «Appearances are deceitful» (внешность обманчива), тогда как другая ей противоречит: «The face is index of the mind» (лицо — зеркало души). В.И. Даль так говорит о пословицах: «...было сделано странное замечание: одна-де пословица противоречит другой, на приговор есть приговор, и не знаешь, чего держаться... В том-то и достоинство сборника пословиц, что он дает не однобокое, а полное и круглое понятие о вещи, собрав все, что о ней, по разным случаям, было высказано...» [3].

А.А. Полякова отмечает, что «...в форме наставлений, поучений, пожеланий, советов в пословицах сформулирована педагогическая мысль, изложены жизненно-важные истины» [7]. Кроме того, в пословицах и поговорках отражены стандарты общепринятой морали. Например, британские пословицы о дружбе отражают представления британцев об отношениях между людьми, содержат наставления о том, как нужно относиться к людям, нравственные эталоны, принятые в обществе.

Do as you would be done by

Относись к людям так, как хотел бы, чтобы относились к тебе.

A good turn deserves another

Долг платежом красен.

As you sow so shall you reap

Что посеешь, то и пожнешь.

As the call so the echo

Как аукнется, так и откликнется.

A friend in need is a friend indeed

Друг познается в беде.

Better an open enemy than a false friend

Лучше открытый враг, чем ложный друг.

Short debts make long friends

Дружба дружбой, а деньги врозь.

Скороговорки. Скороговорки, так же, как пословицы и поговорки, относятся к малому фольклорному жанру. «...Скороговорки имеют целью обогащение словаря обучаемого и увеличение темпа речи... Как известно, темп речи, прибли-

жающийся к скорости естественной речи англичан, может служить показателем успешности продвижения ученика в английском языке» [1].

Помимо этого, скороговорки являются хорошим способом формирования правильных фонетических навыков. «...скороговорки, эти народные пособия по культуре звучащей речи и одновременно фонетические тренинги, разработанные „коллективным логопедом“. Как свидетельствует уже детский фольклор, этот коллективный логопед, коллективный грамматик и коллективный лексиколог свободно может ходить пешком под стол. Замешанная на языковом бескорыстии забота о том дискурсивном котле, в котором мы все варимся, рождается очень рано и уже не покидает человека никогда» [10].

Несомненно, скороговорки не несут той смысловой нагрузки, которая есть в пословицах, поговорках, сказках и т.д. Однако скороговорки нередко отражают характерные для англичан проблемы. Например, в скороговорках о погоде выражена общая для всех англичан, ставшая уже хрестоматийной тема плохой английской погоды:

«Whether the weather is fine
Or whether the weather is not
Whether the weather is hot
Or whether the weather is cold
We'll whether the weather
Whatever the weather
Whether we like it or not.»
«The weather is getting better & better.»
«When the weather is wet, we must not regret.»

Скороговорки, помимо интересного, зачастую юмористического содержания, нередко отражают народные верования, приметы, ценностные установки. Часто скороговорки перекликаются с пословицами, поговорками и продолжают последние.

Так, продолжением поговорки *Never trouble trouble* (не буди лихо, пока лихо тихо) является скороговорка

Never trouble trouble
till trouble troubles you.
It only doubles troubles
& troubles others, too.

Целесообразно включение в спецкурс духовной традиции британского фольклора такого многообразного элемента фольклорного наследия, как *сказка*.

Проблемами личностно-развивающего потенциала сказок, мифов, преданий и легенд занимались Т.Д. Зинкенвич-Евстигнеева, А.Ф. Лосев, А.А. Полякова, В.Я. Пропп, А.В. Ульяновский, И.Ю. Черепанова, М. Элиаде, К. Эстес, К.-Г. Юнг и др.

Анализируя исследования отечественных и зарубежных ученых, можно с уверенностью сказать, что наибольшее количество личностных проекций несут в себе именно фольклорные произведения, созданные в жанре сказки.

Сказки позволяют «диагностировать и корректировать особенности, стратегии и модели поведения личности» [5]. Сказка — «весьма популярный жанр устного народного творчества, жанр эпический, прозаический, сюжетный, отличается многоэпизодностью, законченностью, драматической напряженностью, четкостью и динамичностью развития действия...» [6].

Различные классификационные системы определения жанров сказок были предложены ведущими фольклористами мира. А. Аарне (Финляндия) предложил условное разделение на три группы: сказки о животных, собственно сказки, анекдоты. Популярна была классификация П.В. Владимирова, предложенная им в работе «Введение в историю русской словесности» (1896 г.), где он выделяет животный эпос, мифы и бытовые произведения, смешивая понятия «сказка» и «миф». Н.И. Кравцов, С.Г. Лазутин предлагают деление сказок на три жанровых разновидности — сказки о животных, сказки волшебные, сказки социально-бытовые. Однако рассмотрение вопроса о классификации жанров фольклорной сказки — тема для отдельного диссертационного исследования.

Не менее важным, чем традиционные вопросы морали, нравственности, этических норм поведения, представляется расширение информационного поля студентов, получение ими представлений об исторических реалиях быта, уклада жизни, верований и суждений древних британцев.

Так, старинная английская сказка «Выгодная сделка» рассказывает: «...свои поля англичане испокон веков обносят живыми изгородями и для удобства делают в этих изгородях калитки»; «в графстве Линкольншир между полями и фермами всегда рыли канавы и рвы». Сказка «Дик Уиттингтон и его кошка» повествует о старинном британском обычае: купец, отправляя свой торговый корабль в дальнее путешествие с товарами, созывал своих слуг, и предлагал каждому из них дать деньги для покупки какого-либо товара, или по одному любому товару для продажи; если товар продавался, слуга получал деньги.

Смысловая нагрузка сказки — это почти всегда мораль, наставление, нравоведение. Британские сказки, как и сказки других народов мира, отражают древнюю морально-этическую культуру народов Британии во всем ее многообразии. Британские сказки, независимо от территориальной принадлежности, будь это ирландские, шотландские, уэльские или собственно английские сказки, прославляют дружбу и товарищество, осмеивают общечеловеческие пороки — трусость, лень, лживость и т.д.

Многие ирландские сказки заканчиваются пословицей, которая обобщает мораль истории. Например, сказка «Поэт Маклонин и пахарь из Далкаса» заканчивается моралью в виде пословицы: «Кто хотел раздробления Ирландии, думал только о себе»; сказка «Ученый Фиоргал» — пословицей «Дом без ребенка, кошки или собаки — дом без любви и радости». Ирландская сказка «Мудрость Кормака» содержит целый свод моральных наставлений и советов, в поэтичной форме отражающих мудрость народа.

«Тот, кто ребенком не верил в сказки, во взрослые годы не поверит ни во что. ...Подобно своему старшему брату мифу, сказка выражает и формирует определенное мировосприятие и сквозь прихотливый лабиринт вымысла вводит в дей-

ствительность» [9]. В кельтской сказке «Строитель Гоб» сказитель говорит о волшебной стране сказок и ее обитателях так: «...страна сказок, страна королей и королев, поэтов и пророков, ученых и колдунов, умных жен и глупых мужей, а может быть, даже и фей, и привидений, и говорящих птиц и зверей (которые говорят иногда гораздо умнее, чем многие люди)».

Ценностно-смысловой аспект включения в спецкурс духовной традиции британского фольклора материалов по балладам, эпосам, сагам, преданиям, легендам предполагает свободную ориентацию личности студента в многообразии британского фольклора, присвоение личностью положительных ценностей иноязычной культуры, расширению лингвистического, этнопсихологического, этнокультурного кругозора. Изучение произведений крупной формы (баллады, эпоса, саги, предания, легенды и т.д.) и анализ фольклорных произведений с точки зрения личностных приоритетов требуют от студента глубокого философского осмысления ситуации.

Так, например, знаменитая романтическая легенда Артуровского цикла о Тристане и Изольде, неизменно популярная и в наше время, ставит перед студентом сложные философские задачи — проблемы противоречия между долгом, честью, клятвой верности и любовью, непреодолимоу влечению к другому человеку. В легенде повествуется о любви Тристана, одного из рыцарей Короля Артура, к прекрасной Изольде, жене Марка, который доводился королем родным племянником. Согласно преданию, узнав о том, что Изольда совершила побег с Тристаном, Марк потребовал у короля Артура справедливого суда. Король оказался перед трудным выбором: между одним из своих любимых рыцарей, народным героем Тристаном и своим близким родственником Марком. Легенда повествует о сомнениях, которые одолевали Артура, о том, как нелегко ему было сделать выбор. Решение, которое принял король Артур, гласило: «Пока зеленеют на деревьях листья, Изольда будет принадлежать одному, а когда опадут — другому». Однако в тех лесах росли только плющ, падуб и красный тис, которые не теряют листвы зимой. Так Тристан остался с Изольдой, и британский народ из поколения в поколение передает эту легенду как одну из самых романтических и красивых легенд о любви Артуровского цикла.

Моральные представления древних британцев о чести и достоинстве ясно видны в этой легенде — когда Марк, муж Изольды, отказался от честной битвы с Тристаном, рыцари Марка отказались «защищать человека, который сам отказался от честной битвы» [4]. Кроме того, в ней рассказывается о «тайной дипломатии» того времени — для того, чтобы Тристан «сменил гнев на милость», король Артур посылает «арфистов, поэтов и менестрелей», и обходительного рыцаря Гвалхмайя, настоящего дипломата, который уговорил Тристана явиться ко двору короля Артура.

Цикл ирландских саг о Кухулине, бесстрашном кельтском воине, является наследием не только Британии, но и всего мира. Ирландские саги о Кухулине, могучем и сильном, можно сравнить с былинами о русских богатырях. В этих сагах повествуется о дружбе и вражде, подлости и честности, верности данному слову, мужестве и отваге.

Кухулин, согласно легенде, воин, чей удар рогатым копьём Га-Бульга был неотразим, обучался приемам боевой силы и мужества у грозной воительницы Скатах на острове Скай. Одна из саг повествует нам о том, что Кухулину были присущи лишь три недостатка: то, что он был слишком молод, слишком смел и слишком прекрасен. Легенда «Бой Кухулина с Фердиадом» повествует о своеобразном «кодексе чести» данной эпохи. Кухулин и Фердиад, его названный брат, оказываются по разные стороны в войне между королем Конхобаром и королевой Мав. Королева Мав обманом берет у Фердиада обещание выступить в поединке против Кухулина.

Легенда описывает страдания Фердиада, который согласился на бой и горько сожалел об этом, но «уж коли дал слово, то он его сдержит». Кухулин и Фердиад сражались три дня. В итоге поединка Фердиад был убит, а Кухулин ранен. Но раненый Кухулин беспокоился не о себе, а оплакивал печальную судьбу Фердиада. «...отныне и впредь любая битва, любой бой или сражение покажутся мне пустой шуткой, забавой, игрушкой после поединка с милым моему сердцу Фердиадом», — говорит Кухулин своему вознице Лойгу. Народная молва говорит о Фердиаде: «...легче, казалось ему, пасть от копья силы, ловкости и отваги, чем от стрел стыда, позора и поношения». После гибели друга Кухулин не оставляет его на противоположном, вражеском берегу реки, а забирает на свою сторону, где горько его оплакивает.

В легендах и сагах о Кухулине, доблестных воинах древнего Ульстера, коварном правителе уладов Конхобаре и жестокой коннахтской королеве Мав переплелись вымысел и правда, собран воедино свод народной мудрости, кодекс чести. Ирландские легенды о Кухулине своей героической тематикой созвучны с первой героической эпической поэмой древних британцев, «Беовульф» (Beowulf).

Первый героический народный эпос «Беовульф» (Beowulf) насчитывает более XIII столетий. Это поэма, в которой около 3000 строк [11]. В поэме повествуется о храбром молодом воине Беовульфе, который спасает людей от страшного чудовища Грендел (Grendel), которое живет в озере и по ночам убивает и съедает жителей города. Беовульф вступает в схватку с Гренделом, в борьбе отрубает ему руки, и Грендел погибает на дне озера. Но его мать, еще более страшное чудовище, возвращается отомстить за его гибель. Беовульф сражается с ней на дне озера и убивает ее. Позднее, совершив эти подвиги, Беовульф становится королем своей страны. В поэме прославляются храбрость, отвага и мужество Беовульфа, его героические поступки в борьбе против чудовищ. Поэма рассказывает и о гибели Беовульфа, который в схватке с огнедышащим чудовищем получает смертельную рану и умирает. Однако Беовульф умирает смертью героя, убив чудовище и освободив своих подданных. Поэма заканчивается описанием похорон. Тело Беовульфа предают огню его верные воины.

Героическая эпическая поэма «Беовульф» является богатейшим материалом для изучения обычаев, традиций, верований и уклада жизни древних британцев. Эпос заставляет современного студента задуматься о таких вечных ценностных категориях, как «смысл жизни», «самопожертвование», «благородство» и других.

Таким образом, английский язык в процессе изучения материала по духовной традиции британского фольклора выступает своеобразным инструментом

вхождения личности студента вуза в мир духовной культуры страны изучаемого языка. Путем ознакомления как с положительными, так и с отрицательными особенностями английской традиционной духовной культуры, иерархизации их в собственном сознании в образовательном процессе вуза осуществляется формирование эмоционально-ценностного отношения личности студента к иноязычной культуре, «продуцирование» собственных ценностей и смыслов, построение личностью жизненной перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Биболетова М.З. Мультимедийные средства как компонент УМК «Enjoy English» для средней школы // *Иностранные языки в школе*. — 1999. — № 3.
- [2] Гвоздарев Ю. Вступ. статья к А.С. Спирин. Русские пословицы. — Изд-во Ростовского университета, 1985.
- [3] Даль В.И. Пословицы русского народа. — М.: Эксмо-пресс, 2000.
- [4] Как Тристан нашел Изольду // Сквозь волшебное кольцо. Сборник британских легенд и сказок. — М.: Правда, 1987.
- [5] Косова Н.Н. Коррекция личностных мифов и изменение «картины мира» // *Вестник АИСО МГСУ*. — 2003. — № 1.
- [6] Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество. — М.: Высшая школа, 1983.
- [7] Полякова А.А. Духовная традиция русского фольклора: вопросы педагогической теории и практики (монография). — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1998.
- [8] Полякова А.А. Развитие аксиологического потенциала личности в контексте диалога культур: Монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001.
- [9] Сквозь волшебное кольцо // Британские легенды и сказки. — М.: Правда, 1987.
- [10] Хазагеров Г., Хазагерова С. Одичание ритуала // *Знамя*. — 2006. — № 7.
- [11] Thornley C.C., Gwyneth Roberts. An outline of English literature. — Longman, 2003.

VALUE-SEMANTIC ASPECT OF STUDYING THE MATERIALS ON SPIRITUAL TRADITION OF THE BRITISH FOLKLORE: ABOUT THE MEANING OF FOREIGN LANGUAGE IN THE DEVELOPMENT OF A PERSONALITY

Y.P. Nevmerzhitsaya

The department of the foreign languages
Sochi Institute (the branch)
of the Peoples' friendship university of Russia
Kuybysheva str., 32, Sochi, Russia, 354341

In the article are considered the problems of value-semantic development of high-school's student's personality in a process of studying the materials on spiritual tradition of the British folklore. The foreign language — English — appears as the instrument of the personality's entering to the world of the traditional spiritual culture of the country of the language under study.

Key words: English, value-semantic aspect, British folklore, proverbs.

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ «ОБРАЗА МИРА» В ИСПАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

А.А. Полякова

Кафедра иностранных языков
Сочинский институт (филиал)
Российский университет дружбы народов
ул. Куйбышева, 32, Сочи, Россия, 354341

Статья посвящена вопросам изучения национального «образа мира» как многоуровневой системы интегрированных явлений реальности. Ценностные категории «семья»/«la familia», «душа/духовное»/«el alma/el espíritu», «честь»/«el honor», «дружба»/«la amistad», «любовь»/«el amor», «красота»/«la belleza» рассматриваются как важнейший компонент структуры «образа мира» в испанской культуре.

Ключевые слова: «образ мира», испанская культура, национальное самосознание, ценностная категория.

В последние годы в центре внимания различных отраслей науки: психологии, лингвистики, культурологии, социологии и др. — находятся вопросы о природе личности, о факторах, определяющих ее развитие, поведение, а также о внутреннем мире личности. При этом основной остается проблема отражения в сознании, познания и понимания личностью окружающей действительности, своего места в этой действительности. В науке одной из базовых характеристик сознания личности утверждается ее (личности) способность не только отражать действительность, но и порождать особую субъективную реальность интерпретации мира.

При этом одной из базовых характеристик сознания личности считается ее способность не только отражать действительность, но и порождать особую субъективную реальность интерпретации мира — «*образ мира*», под которым понимается порождаемая человеком и постоянно развивающаяся в процессе формирования сознания целостная, многоуровневая система интегрированных явлений реальности, обусловленная его принадлежностью к определенной культуре, в которой находят отражение накопленный опыт людей, выработанные ими правила и образцы межличностного поведения и самовыражения, образ жизни, а также культурные традиции (А.Н. Леонтьев, Е.Ю. Артемьева, В.В. Петухов, С.Д. Смирнов, В.П. Серкин, Е.А. Климов и др.).

Личность человека отражает мир не напрямую, а через *системы значений*, выработанных в культурно-историческом развитии, составляющих основу человеческого знания, поведения, практики и служащих средством интеграции людей в обществе, механизмом трансляции и воспроизводства опыта. А поскольку в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, сознание человека всегда этнически обусловлено [5].

Реализация целостного мироотношения конкретного этноса — большого или малого — предполагает выработку и усвоение системы значений на основе

ценностей, которые в своей совокупности являются атрибутом социокультурной действительности (М. Рокич, Ш. Шварц), с одной стороны, с другой — важнейшим компонентом структуры образа мира, обнаруживаясь как системно организованные явления и опосредуясь спецификой процесса социализации личности. В свою очередь, ценностные образования являются базой для формирования *системы личностных смыслов* (Ф.Е. Василюк, Д.А. Леонтьев, А.В. Серый, В. Франкл), отражающей устойчивую иерархию отношений личности с миром. Социокультурные реалии здесь преломляются через *знаковые языковые системы*, которые оказывают влияние на становление и развитие образа мира в условиях конкретного социума и определяют системные характеристики *языковой личности* — носителя языкового сознания и речевого поведения [3].

Изучение особенностей национального сознания, в частности особенностей интерпретации окружающей действительности разными народами, в которых отражается мировоззрение той или иной этнической общности, представляет особый интерес в связи с нарастающим межэтническим напряжением в современном мире.

На становление и развитие образа мира в сознании людей, как указывалось, большое влияние оказывают знаковые языковые системы, которые, опосредуя процессы взаимодействия субъекта с окружающей действительностью, воздействуют на формирование языкового сознания и речевого поведения языковой личности. К настоящему времени исследованы проявления в речи особенностей возраста, образования, эмоциональной, мотивационной и интеллектуальной сфер, частных (замкнутости, озабоченности, осмотрительности, принципиальности, властности) или более общих характеристик (экстраверсии — интроверсии, экстернальности — интернальности, типов саморегуляции психической активности) языковой личности, однако ценностно-смысловая составляющая образа мира долгое время оставалась недостаточно изученной.

В этой связи, на наш взгляд, особый интерес представляет изучение ценностной составляющей образа мира испанцев, поскольку у российской и испанской культур (в высоком понимании) наряду с множеством различий есть много общего. В частности, испанцы, как и русские, — один из самых смешанных этносов. Культура Испании — одна из богатейших в мире и всегда вызывала в России самое пристальное и дружелюбное внимание.

Изучение жизни испанского социума, культуры страны позволяет сделать следующие выводы. Как отмечает С.Н. Голиков, у испанцев осознание общности замкнуто на регионах, на других небольших территориях, каждой территории свойственны определенные культурные ценности, которые отличаются в сознании испанца от культурных ценностей сопредельной территории. Такая манера мыслить составляет основу национального мировоззрения. Почти для всех испанцев большое значение имеет факт их рождения в определенном месте, что оказывает сильное влияние на самосознание личности. Испанец олицетворяет собой тип человека страсти. Страсть — это более целостное проявление личности, чем действие или мысль. В этом смысле «фокус бытия» сосредоточивается в нем самом, а не на предмете мысли, объекте, действии. Испанец живет, «высво-

бождая» свою энергию в душевных порывах. Испанец склонен воспринимать жизнь как драму, главный герой которой — он сам [2]. Личный опыт, симпатии, привязанности дороже для него неизмеримо больше, чем абстрактные идеи и принципы, и даже материальное благополучие. Досуг, друзья, здоровье, свобода чувствований, природа — главное в жизни испанцев, гораздо главнее, чем материальное благополучие, карьерные устремления. Именно с «доминированием чувств», отсутствием «полезных увлечений» у испанцев связывают причины, из-за которых в Испании в течение длительного времени не получали должного развития научно-техническая, экономическая, политико-административная деятельность. Вместе с тем эмоциональность, интуиция и созерцательность стали источниками высокой философской, художественной и религиозной культуры испанцев.

Как показывает анализ, чертами национального самосознания испанцев являются: консервативное восприятие окружающего мира, чувство собственного достоинства, осознание важности своей исторической миссии как народа, ориентация на религиозные ценности, свободолюбие, бесстрашие, благородство.

Национальное самосознание народа и мировосприятие неразрывно связаны с ценностными представлениями народа, нации. Ценностные представления относятся к области духа и морального сознания: это моральные нормы, принципы, идеалы, понятия добра и зла, справедливости, счастья. Именно ценности составляют содержательную сторону картины мира и цивилизации.

К числу ценностей испанской культуры, на наш взгляд, следует относить: «семью»/«la familia», «душу/духовное»/«el alma/el espíritu», «жизнь»/«la vida», «познание» /«el saber», «честь»/«el honor», «дружбу»/«la amistad», «любовь»/«el amor», «патриотизм»/«el patriotismo», «красоту»/«la belleza».

Семья. «Bien se sabe que en España, como en todos los países hispanoamericanos, la familia es uno de los elementos más importantes de la vida, tanto en la esfera cultural como en la política y económica» [8] (Хорошо известно, что в Испании, как и во всех испаноговорящих странах Америки, семья — это один из наиболее важных элементов жизни, как культурной, так и политической и экономической.). «España es uno de los países de más elevada tasa de natalidad de Europa. El concepto de familia no sólo incluye a padres y hijos, sino a abuelos, tíos, suegros y hermanos políticos (cuñados)» [8] (Испания — это одна из стран с самым высоким показателем рождаемости в Европе. Понятие семьи вбирает в себя не только родителей и детей, но и бабушек и дедушек, дядей и тетей, свекров и свекровей, деверей, золовок). Семья занимает особое место в жизни испанцев, являясь подлинной ценностью испанской культуры, как в самой Испании, так и за ее пределами. Особое отношение к семье испанский философ José Ortega y Gasset llamaba «el particularismo español» (Хосе Ортега-и-Гассет называл «отличительной испанской чертой»).

Говоря о роли семьи в испанской культуре, необходимо подчеркнуть, что в ряде случаев семейные отношения влияют на ход общественно-политической и экономической жизни страны. В некоторых провинциях после смерти отца его дела и состояние переходит непосредственно к первенцу, от которого ожидается продолжение отцовских начинаний. Очень часто при этом не берутся во внима-

ние личные и профессиональные качества преемника, что имеет целый ряд недостатков. Следует отметить, что, несмотря на попытки влияния американской и европейской культур на культуру Испании семья поныне остается одной из основных ценностей испанской культуры.

Дружба. Особое место среди ценностных категорий в культуре Испании отводится дружбе. В Испании существует добрый старый обычай собираться вместе с друзьями и родственниками. Этот обычай называется «tertulia» (тертулия), что означает «компания, кружок, дружеская вечеринка». На тертулию приходят, чтобы отдохнуть и поговорить на самые разнообразные темы: о спорте, кино, политике, литературе, экономике, образовании, быках, детях и т.д. Обычно по этому случаю люди собираются в баре или в доме у кого-нибудь из членов кружка. Тертулия может объединять группу людей, интересующихся той или иной конкретной проблемой: быками, например. Очень часто на тертулиях присутствуют видные политики или выдающиеся деятели культуры страны. Многие из известных испанских писателей принимали участие в сотнях мадридских тертулий. Тертулия — это своего рода демонстрация того, что испанцы дорожат дружбой, общение с близкими, с друзьями, обмен идеями — это те составляющие, без которых испанец не смог бы жить. Более того, испанцы, которые путешествуют и живут в других странах, порой чувствуют себя неполноценными от того, что не могут принимать участия в тертулии. «Para el español, quizás la tertulia sea tan importante como la familia o el trabajo» [8] (Для испанца дружба, общение в тесном кругу, пожалуй, настолько важны, насколько сама семья, работа.).

Дух/душа. Ценностная категория «*дух/душа*»/«*el alma/el espíritu*» пронизывает из глубины веков испанскую культуру. Весьма интересна христианская символика испанского фольклора. Например, пчела здесь обозначает чистоту, трудолюбие, повиновение. Улей связан с даром красноречия и воспринимается как «средоточие духовной жизни», это неперенный атрибут св. Амвросия и св. Бернара Клервосского.

Согласно древним средиземноморским поверьям, светлые волосы свидетельствуют о духовной силе, черные — знак земной, темной энергии. Желтый цвет в христианской символике — цвет адского пламени, красный — символ мученичества, страдания, розовый — цвет плоти, чувственности, символ воскрешения во плоти, коричневый — знак отказа от мира, черный — цвет смерти и горя, тоски и тайны, цвет зла, греха и вины, покаяния и искупления [4].

В испанской одежде цвет приобретал особые символические значения. И до сих пор существует обычай, впервые помолясь о чем-либо необычайно важном, надевать одежду соответствующего цвета, в зависимости от того, какому святому молятся, и носить ее, не снимая, пока не истлеет.

Если молитва обращена к Богородице, следует носить синее, к Христу — темно-лиловое, св. Доминику — белое, св. Рите, которой молятся о несбыточном — черное, св. Антонию — серое, покровительнице испанских моряков *Virgen del Carmen* посвящают коричневую одежду. Такие молитвы кончают словами: “*El hábito romperé*”, что означает «одежда сносится». Принципиальное значение имеет цвет пояса. Например, черный цвет — цвет траура, серый — покаяния, зеленый — цвет надежды, синий — веры и смирения. Такого рода символика нахо-

дит свое отражение в народных песнях, сопровождающихся танцами с разноцветными лентами:

“Cojo la cinta encarnada
que encarnada es adorar.
Yo cojo la cinta azul;
con placer la he de tomar,
porque azul es esperanza...
Vístese de verde el prado...
y ojalá así de verde
mi alma siempre vistiera...
Tomo la cinta dorada,
no estoy gustosa en tomarla,
porque el oro siempre fue
condenación para el alma.
Yo tomo la cinta negra
por ser la más dolorosa...
Blanca es mi suerte y blanca
es también mi esperanza.”

Любовь. Такая ценностная категория испанской культуры, как *любовь/el amor*, наиболее ярко запечатлена в многочисленных произведениях устного народного творчества. Холодный ручей, чистый источник (*agua clara, fuente fría*), берег реки или моря в испанском фольклоре — традиционное место свидания и символ взаимной любви:

“Ribericas del río, madre,
flores de amor nacen”,
“Por el río me llevad, amigo,
y llevadme por el río”,
“Enviárame mi madre
por agua a la fuente fría,
vengo del amor herida.”

Совместное купанье в испанском фольклоре — это аллегория взаимной любви:

“Fuérame a bañar
a orillas del río,
allí encontré, madre,
a mi lindo amigo.
El me dio un abrazo,
yo le di cinco.”

Традиционное обозначение любимой в памятниках устно-поэтического творчества — это *paloma blanca* (белая голубка). Воплощением красоты в испанском фольклоре является *garza* (цапля), в российской фольклорной и литературной традиции таковой выступает «белая лебедь». Непременный атрибут красоты цапли — зеленовато-голубые глаза, а также высота ее полета [4]. Влюбленную девушку сравнивают с раненой цаплей:

“Mal ferida va la garza
sola y gritos daba.”

Говоря об идеале красоты в испанской культуре, необходимо отметить, что по старинному испанскому обычаю у красавицы обязательно должны были быть зеленые глаза (*ojuelos verdes*), белая кожа (*cutis blanca*), высокий лоб (*frente alta*) и золотистые волосы (*cabellos dorados*), смуглый цвет кожи долгое время считался некрасивым:

“Críeme en aldea,
híceme morena;
si en villa me criara,
mas bonica fuera.”

Однако уже у Лопе де Вега мы находим выражение “*linda morena*”, а к XIX в. в Испании утверждается новый идеал человеческой красоты:

“Moreno el del Gran Poder,
morena la Macarena,
morena es la que yo quiero.
¡Viva la gente morena!”

Любовь в испанской культуре — это очень яркое, всепоглощающее чувство. Поцелуй здесь сравнивается со смертью: с поцелуем для влюбленного завершается прежняя и начинается новая жизнь. Первая любовь — словно *luna de enero* / январская луна, которой нет равных: “*Luna de enero y amor no tienen compañero*”. Тема любви в письменных источниках с поэтическим блеском изложена у Лопе де Вега. Так, в драме “*Fuenteovejuna*” / «Овечий источник» словами крестьянина Баррильдо автор говорит о любви:

«Не существуй любви, тогда бы
Не мог и мир существовать...
...любовь
И есть гармония.
В ней — суть
И самый корень бытия».

Честь. В словесных памятниках испанской культуры мы сталкиваемся с ней еще в испанских романсеро («Граф Хулиан стремиться отомстить Родриго за бесчестье дочери»):

«Говорит сеньор Тарифы:
«О, позор моим седидам!
Отomщу я, оскорбленный
королем и господином.»
Рвет свои власы седые
старец в иступление диком.
Невиновные заплатят
за неистовства владыки.
Если сам король бесчестен,
ждет страну позор великий.»

Философское осмысление проблемы чести мы находим у Лопе де Вега в “*Estrella de Sevilla*” («Звезде Севильи») — трагедии любви и чести. Брата Эстрельи, защищая честь короля, должен убить... ее возлюбленный. Юноша встает перед

диллемой: нарушив слово — обретаешь счастье, но теряешь честь; исполнив клятву — сохраняешь честь, но навсегда утрачиваешь радость жизни. Решение же Санчо таково:

«...Погублю я жизнь и душу,
Но чести я не погублю...
Хочу? Но я хотеть не смею!
Я рыцарь долга, чести раб!
Я должен, да, и я сумею...»

Санчо Лопе де Вега называет «рабом чести». Однако в пьесе «Фуэнте Овехуна» речь тоже идет о чести, но автор не называет крестьян, отстаивающих честь, ее рабами. В этом глубокий смысл. Там люди боролись за настоящую честь, без которой человек перестает быть человеком, там люди шли на смерть за свое право именоваться людьми. И эта борьба возвышенна и благородна. Здесь же происходит совсем иное: благородный дон Санчо разрушает свое счастье. Но во имя чего? «Во имя эфемерного представления о святости данного слова, — пишет А.С. Артамонов, — пусть даже это слово дано по неведению, пусть исполнение этой опрометчивой клятвы несет смерть ни в чем не повинному человеку, к тому же его другу, брату его невесты, пусть оно несет несчастье самому дорогому для него существу, его возлюбленной Эстрелье, — все равно! Слово должно быть исполнено. Он — раб чести, он не смеет иметь свою волю, он не смеет ничего хотеть» [1].

Мы не можем не видеть, что драматург, называвший своего героя «рабом чести», тем самым осуждает его. Плебею и демократу Лопе де Вега была чужда сословная выпяченная мораль. Там, где возможно такое понимание *чести*, такое отношение к себе, к своим жизненным обязанностям, не подсказанное всемогущими законами природы, а навязанное надуманной логикой сословных предрассудков, — там царит случайность, там судьбу человека решает жребий, там жизнь поистине «жестокая игра» [1].

Коррида. Неотъемлемой частью испанской культуры и одной из ее важнейших ценностей является *tauromaquia*/тавромахия (искусство боя быков).

С древнейших времен во всем Средиземноморье, и в Испании в частности, образ быка широко представлен во многих письменных памятниках. Бык предстает в них как:

- 1) животное, мясо которого идет в пищу;
- 2) тотемное животное, символ плодородия и мужского начала, а иногда и женского начала.

С образом быка в Испании, и не только в ней, с появлением корриды связана целая субкультура, которая нашла отражение в языке: образ быка присутствует в обывденной речи, в элементах фольклорного искусства, в художественной литературе, в прессе, в кино и т.д. Любое слово, связанное с корридой и с быками, порождает у испанцев богатейший ассоциативный ряд. У иностранцев, в чьей культуре отсутствует такое явление, аналогичных ассоциаций, естественно, не возникнет.

Так, для испанца в мужском разговоре о женщинах будет вполне естественным описать их физические достоинства таким образом: «*Tiene buen trapío, esta bien puesta de pitones*»; или сравнить поведение женщины с поведением быка

на арене: «Se deja torear»; хвастаясь своими успехами, заявить: «Corte orejas y rabo y salí por la puerta grande». Особенный интерес представляют собой семантические трансформации терминов корриды в связи с тем, что они приобретают переносное значение, метафоризируются, становятся устойчивыми идиоматическими выражениями. Например, эпитет *pastuena* → *traicionera*, простая метафора *enchiquerar* → *meter en la cárcel*, идиома *cortarse la coleta* — *jubilarse*, сложная метафора, выраженная поговоркой *desde la barrera bien torea cualquiera* или синекдоха *vete al cuerno!* [7].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Артамонов С.Д. и др.* История зарубежной литературы XVII—XVIII вв. Учебник для студентов пед. ин-тов. — М.: Просвещение, 1973.
- [2] *Голиков С.Н.* Лингводидактические основы педагогического проектирования системы обучения испанцев русскому языку и тестирования: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. — М., 2008.
- [3] *Гришенина Ю.А.* Национальные особенности образа мира и их особенности проявления в речевой деятельности российских, индийских и африканских студентов: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. — М., 2009.
- [4] *Испанская народная поэзия. Сборник / Сост. Н.Р. Малиновская и А.М. Гелескул.* — М.: Радуга, 1987.
- [5] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1977.
- [6] *Полякова А.А.* Развитие аксиологического потенциала личности в контексте диалога культур: Монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001.
- [7] *Степановские чтения. Проблемы межкультурной языковой коммуникации: Тез. докл. и сообщ. междунар. конф.* — М.: Изд-во РУДН, 1998.
- [8] *Швыркова Л.Л., Ломский В.М.* Испания. Страна изучаемого языка. — М.: Изд-во РУДН, 1997.

VALUE-SEMANTIC COMPONENT OF «THE IMAGE OF THE WORLD» IN SPANISH CULTURE

A.A. Polyakova

The department of the foreign languages
Sochi Institute (the branch)
of Peoples' friendship university of Russia
Kuybysheva Str., 32, Sochi, Russia, 354341

The article is dedicated to the questions of studying of the national «image of the world» as a multilevel system of the integrated phenomena of reality. Such value categories as “family”/“la familia”, “soul/spirit”/“el alma/el espíritu”, “honour”/“el honor”, “friendship”/“la amistad”, “love”/“el amor”, “beauty”/“la belleza” are considered as the most important component of “the image of the world”’s structure in Spanish culture.

Key words: “Image of the World”, the Spanish culture, national identity, value category.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АНГЛОГОВОРЯЩЕЙ СИЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Е.Н. Рядчикова, О.А. Кадилина

Кафедра теоретической и прикладной лингвистики
Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, Россия, 350040

В работе рассматривается понятие национального характера в связи с проблемой сильной языковой личности, выявляются особенности и параметры последней на примере языка произведений Д. Карнеги.

Ключевые слова: языковая личность, национальный характер, менталитет, стереотип, семантика, принципы общения.

Ряд современных ученых посвящает свои исследования проблеме выявления универсального и национально-специфичного в языковой личности, отмечая, что «личность должна рассматриваться в перспективе культурной традиции народа, этноса, ибо для рождения человека в человеке необходим культурно-антропологический прототип, который формируется в рамках культуры» [5]. Поэтому все больше внимания лингвисты уделяют проблеме национального характера. При этом «для языковой личности нельзя провести прямой параллели с национальным характером, но глубинная аналогия между ними существует... Национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения, и застывший, статический и инвариантный характер национального в структуре языковой личности отливается в самом языке в динамическую, историческую его составляющую» [4]. Именно поэтому Ю.Н. Караулов подчеркивает национальный характер уже в самом определении языковой личности [4]. Аналогичной позиции придерживаются В.И. Карасик, С.Г. Воркачев и другие.

Выводы об этой стороне проблемы сводятся к тому, что языковая личность — социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Он формируется через внутренне отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; причем языковая личность, в свою очередь, оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая такая личность складывается на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками.

Лингвисты говорят о существовании национального стереотипа в области речевой коммуникации. Но не вполне ясно, какой именно пласт языка может считаться наиболее «национальным». Так, П.В. Чесноков полагает, что это — грамматический уровень [9]. Однако нельзя не учитывать то, что «развитие лексики для различных понятийных полей... фактически часто идет параллельно с развитием грамматики» [2], поэтому лексика также национально специфична.

О.С. Ширяева полагает, что национально-культурную специфику передает семантика: «такие значения и элементы значений языковых единиц, которые фиксируют и передают от поколения к поколению особенности природы, географии, экономики, общественного устройства страны, фольклора, художественной литературы, искусства, науки, особенности быта и обычаев народа, его образа жизни и т.д.» [10].

Особую роль в языковом выражении национально-культурной семантики играют стереотипные представления, мифы, в том числе и современные. Они нуждаются в тщательном изучении, так как могут стать источником заблуждений.

Таким образом, суммируя взгляды ученых, можно утверждать, что национальной спецификой обладают грамматика, лексика и семантика каждого языка, что в значительной мере обусловлено экстралингвистическими показателями — национальной спецификой менталитета, исторически сформировавшимися стереотипами и т.п. Видимо, сюда же можно отнести наиболее популярные предметы для обсуждения среди представителей той или иной нации. Д. Карнеги полагает, что самыми актуальными темами для обсуждения являются три предмета — секс, собственность и религия [10]. Несмотря на действительную важность этих тем, мы все-таки полагаем, что их можно считать национально-специфическими, популярными среди американцев, а для людей множества других национальностей этими «тремя предметами» зачастую могут быть и иные проблемы.

О.А. Урусова констатирует, что для Америки наиболее характерны такие разновидности социальной деятельности, как актер, военный, воспитатель, игрок, помощник, человек, наделенный властью, агрессор, адвокат, политик, партнер, диктатор, рулевой [8]. Многие из них связаны с речевой коммуникацией и накладывают на нее соответствующий отпечаток, требуют формирования определенных речевых навыков и умений, которые характеризуют языковую личность как сильную.

Национальными являются и многие этикетные формы и принципы общения. «Вежливо и этикетно общаются в самых разных странах. Но каждый из национальных языков проявляет свою специфику, потому что на неповторимые особенности языка здесь накладываются особенности обрядов, привычек, всего принятого и непринятого в поведении, разрешенного и запрещенного в социальном этикете данного народа» [1].

Для американцев в общении характерны простота, общительность, приветливость, непринужденность, толерантность, дружелюбность, честность — она является нормой поведения, в том числе речевого, например, не принято давать ложные показания в суде, нарушать обязательства в бизнесе [6]. Американский этикет требует постоянной улыбки при общении, демонстрируя, что «у них все О'кей!». В американской национальной традиции принято: что бы ни случилось — «keep smiling». На вопрос «Как дела?» по этой традиции требуется неприменный стандартный положительный ответ «fine!», «great!», «all right!», «everything's OK!».

В.И. Карасик, исследуя речь англоязычного общества, говорит о том, что употребление языка может быть стандартным, субстандартным и суперстандартным [3]. Очевидно, это соотносится с понятиями средней, слабой и сильной языковой личности.

Исследования В.И. Карасика свидетельствуют о разном уровне владения языком мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, образованными и менее образованными людьми, представителями разных социальных и этнических (расовых) групп англоязычного общества. Ученый говорит о том, что параметры языковой личности при осуществлении вербальной коммуникации, «престижная речь» и «слабый язык» проявляются в таких речевых параметрах, как интонация, паузация, тембр голоса, произношение, четкость/нечеткость дикции, выбор лексики и фразеологии, семантико-грамматических показателей, а также в степени владения речевой компетенцией и в демонстрации степени владения языком. «Коммуникативная компетенция на высшем уровне проявляется в развитии речи как искусства» [3]. Таким образом, если у человека речь развита мастерски, на уровне искусства, то это, безусловно, сильная языковая личность. Такому уровню должны соответствовать первые должностные лица страны [3].

А. Вежбицка отмечает, что англо-американская культура поощряет своих носителей говорить о том, что ты хочешь сам, и давать другим людям право выбора: каждый может говорить другим людям что-то вроде: *я хочу этого, я не хочу этого*; хорошо говорить другим людям что-то вроде: *я хочу знать, что ты хочешь* [2].

Безусловно, этикет играет огромную, а иногда и определяющую роль в речевой коммуникации; он в большой степени маркирует языковую личность как сильную либо слабую. Среди несомненных достоинств англоязычного общения — подчеркнутая этикетность, вежливость, что было бы чрезвычайно полезным перенять и другим речевым культурам. Д. Карнеги пишет: «*Little phrases such as "I'm sorry to trouble you," "Would you be so kind as to...?", "Won't you please?", "Would you mind?", "Thank you" — little courtesies like these oil the cogs of the monotonous grind of everyday life — and, incidentally, they are the hallmark of good breeding*» [11].

«Невозможность выполнить просьбу своего собеседника вызывает чувство неловкости у носителей английского языка... Сам отказ должен сочетать в себе вежливость и убедительность. Даже в том случае, когда причина отказа не приводится, англичанину не свойственно выпытывать ее у собеседника. Английский этикет не признает категоричных форм» [1]. Видимо, в силу этого в английской речевой коммуникации в большей степени, чем в русской, присутствуют формулы фатического этикетного общения. Если для выражения удивления, недоверия и подобных эмоций в русском языке употребляются реплики: *Да ты что! Не может быть! Правда?, Боже мой!, Кошмар!, Ужас!*, то в английском — *Really, Heavens*, а также грамматические конструкции, построенные по схеме «вспомогательный глагол + местоимение», отсутствующие в русском языке [7].

Отличия между русско- и англоязычной речевой коммуникацией проявляются также и при этикетном оформлении просьбы. В русском языке наиболее типичен императив. В английском наиболее приемлемой и вежливой формой просьбы является косвенная просьба в виде прямого или косвенного вопроса [7]. Однако с позиции тактики речевой коммуникации просьба иногда может сослужить плохую службу. Д. Карнеги приводит пример из жизни Б. Франклина, который решил обрести расположение враждебно настроенного к нему человека, потому что тот мог быть полезен ему в бизнесе. Но не посредством того, чтобы оказать своему врагу услугу, а наоборот, он попросил своего врага оказать ему услугу. Б. Франклин умер более ста пятидесяти лет назад, но примененный им психологический прием сохраняет и поныне свою действенность [10]. Однако думается, что данная тактика не может быть признана универсальной, а, скорее, относится к национально-специфичной. В ряде других культур (в русской — очень часто) не только оказание услуги враждебно настроенному человеку, но также и обращение к нему с просьбой об услуге может вызвать неприязнь, отказ от общения.

Манера произнесения речи также может оказать сильнейшее влияние на англоязычную аудиторию, например: «*There is an old saying in the English Parliament that everything depends upon the manner in **whish** one speaks and not upon the **matter***» [11].

Эти и другие национально-культурные особенности речевой коммуникации, безусловно, нуждаются в более подробном изучении.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абрамова Т.В.* Национальная специфика культуры общения в косвенных речевых актах // Теоретическая и прикладная лингвистика. Межвузовский сборник научных тр. — Воронеж: ВГТУ, 2000. — Вып. 2: Язык и социальная среда. — С. 127—135.
- [2] *Вежбицка А.* Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1997. — С. 70—73.
- [3] *Карасик В.И.* Речевая индикация социального статуса человека // Эссе о социальной власти языка. — Воронеж: ВГУ, 2001. — С. 37—56.
- [4] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
- [5] *Комаров Г.В.* Основные характеристики языковой личности // Дискурс: концептуальные признаки и особенности их осмысления: Межвузовский сборник научных трудов. — Краснодар: КубГУ, 2007. — Вып. 1. — С. 162—168.
- [6] *Куцева О.Ю.* Языковая репрезентация американского национального характера // Современная лингвистика: теория и практика. Материалы VI Межвуз. научно-методич. конф. — Краснодар: КВВАУЛ, 2006. — Ч. II. — С. 3—7.
- [7] *Тырникова Н.Г.* Общее и специфически национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2003.
- [8] *Урусова О.А.* Социальные признаки концепта «Америка» // Мир в языке. — 2005. — Вып. 11. — С. 158—163.
- [9] *Чесноков П.В.* Спорные проблемы курса «Общее языкознание». — Таганрог, 1996.
- [10] *Ширяева О.С.* Слово как носитель культурной информации в художественном дискурсе // Язык. Дискурс. Текст: Междунар. науч. конф. — Ростов н/Д, 2004. — С. 215—216.
- [11] *Carnegie D.* The quick and easy way to effective speaking. — NY: Dale Carnegie & Associates Inc., 1992.

DISTINGUISHING CULTURAL FEATURES OF THE STRONG LINGUISTIC TYPE OF THE ENGLISH-SPEAKING PERSONALITY

E.N. Ryadchikova, O.A. Kadilina

Theoretical & applied linguistics Department
Kuban State University
Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The article gives the esteem of the national character taking into consideration the challenge of the strong linguistic type of the English-speaking personality, as well as it reveals the particularities and characteristics of the abovementioned linguistic type exemplified by Dale Carnegie's writings.

Key words: linguistic personality, national character, mentality, stereotype, semantics, communication principles.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С УЧЕТОМ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

И.И. Саранина

Кафедра иностранных языков № 4
Институт иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье говорится о роли взаимосвязи языка и культуры, а также о реалиях, передающих определенную национальную специфику. Утверждается, что изучение национально-специфической лексики при обучении иностранному языку формирует социокультурную компетенцию студентов.

Ключевые слова: иностранный язык, социокультурная компетенция, национально-специфическая лексика, реалии, внешняя лингвистика.

Формирование социокультурной компетенции студентов возможно благодаря использованию определенной методической системы, реализующей социокультурный подход как методологическую основу обучения и коммуникативно-когнитивный метод как теоретическую основу технологии обучения.

С начала 90-х гг. в теории и практике преподавания ИЯ произошли изменения, связанные, в частности, с активизацией поиска новых подходов к обучению и изучению языка. Это проявилось как в отборе языкового материала, так и в пересмотре целей и задач обучения, среди которых ведущую роль начинает играть обучение общению на иностранном языке в контексте диалога культур.

Исследования проблемы соизучения языка и культуры, с одной стороны, имеют давнюю традицию, обусловленную известным интересом методистов к их взаимосвязи, а с другой, несмотря на наличие целого ряда научных работ общего и частного характера, продолжают оставаться недостаточно разработанными как в общетеоретическом, так и прикладном аспектах. Все это свидетельствует о том, что на рубеже веков происходит утверждение культуроведческой традиции в теории и практике обучения ИЯ.

Наиболее ярко связь между языком и культурой проявляется в национально-специфической лексике, т.е. в реалиях.

Следует отметить, что на протяжении последних десятилетий реалии представляли собой предмет исследования многих отечественных и зарубежных лингвистов. В той или иной степени данная тема была затронута Я.И. Речером, А.Д. Швейцером, В.Н. Комиссаровым, Л.С. Бархударовым, А.В. Федоровым, В.С. Виноградовым. Соотношение языка и культуры рассматривали Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. Подробным изучением реалий занимались С. Влахов и С. Флорин, а также Г.Д. Томахин.

В научной литературе, посвященной проблеме реалий, нет однозначной трактовки данного термина. Можно, однако, выделить два основных подхода к определению понятия «реалия».

С одной стороны, реалиями называют предметы, явления, понятия, существующие в одной культуре и отсутствующие в другой. Такого мнения придерживается, в частности, А.В. Федоров, причисляющий реалии к понятиям экстралингвистическим [9]. Аналогичный подход демонстрирует О.С. Ахманова, определяя реалии следующим образом: «В классической грамматике существуют разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке» [1].

Подобную точку зрения разделяет В.С. Виноградов. Под реалиями он понимает «специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и т.п.» [4].

С другой стороны, некоторые исследователи называют реалиями слова, обозначающие предметы, явления и факторы, специфичные для данной культуры. Г.Д. Томахин, например, определяет реалии как «названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т.п.» [6].

По мнению болгарских исследователей С. Влахова и С. Флорина, реалии — это «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общем основании», требуя особого подхода» [5].

Нельзя, однако, не учесть рекомендации А.В. Федорова, который полагает, что говорить о «переводе реалий» терминологически некорректно. Реалии, по мнению исследователя, относятся к явлениям экстралингвистическим и «переводиться» не могут. Допустимым А.В. Федоров считает сочетание «передача реалий», которое по значению является более широким понятием, чем «перевод» [9].

Реалии обладают неким культурным компонентом, передают определенную национальную специфику. Как лингвистическое явление, реалии относятся к категории безэквивалентной лексики. Так, рассматривая вопрос о семантических соответствиях между лексическими единицами двух языков, Л.С. Бархударов выделяет три основных типа подобных соответствий: полное соответствие и отсутствие соответствия. В последнем случае принято говорить о так называемой безэквивалентной лексике. «Под безэквивалентной лексикой имеются ввиду лексические единицы (слова и устойчивые сочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [2].

Несколько иначе понятие безэквивалентной лексики трактуют Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. Согласно их определению это — «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т.е. к культурным элементам, ха-

рактерным только для культуры А и отсутствующим в культуре В, а также слова, не имеющие перевода на другой язык одним словом, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [3].

В своем определении данные исследователи отталкиваются не только от наличия или отсутствия в языке лексического эквивалента, но также от наличия или отсутствия в культуре явления, обозначаемого данной безэквивалентной единицей.

В реалиях наиболее наглядно проявляется близость между языком и культурой: появление новых реалий в материальной и духовной жизни общества ведет к возникновению соответствующих слов в языке. Реалиям присущ и временной колорит [7]. Как языковое явление, наиболее тесно связанное с культурой, эти лексические единицы быстро реагируют на все изменения в развитии общества; среди них всегда можно выделить реалии — неологизмы, историзмы, архаизмы. Каждый их типов реалий требует индивидуального подхода при изучении.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что одну и ту же реалию можно поместить в рамки того или иного деления, ориентируясь, во-первых, на ее смысловое значение, и, во-вторых, на ее национальную (местную) и историческую (временную) окрашенность.

Современное культуроведческое образование средствами соизучаемых языков должно быть нацелено на формирование социокультурной компетенции как одного из необходимых компонентов иноязычной билингвальной и поликультурной коммуникативной компетенции. Социокультурный подход к обучению ИЯ предполагает наличие междисциплинарного интегрированного языкового образования, а также обязательный учет социокультурного контекста обучения и изучения языка, а именно учет таких его параметров, как:

- диапазон общественных функций;
- социальный престиж языка;
- инструментальная ценность языка;
- ценностная значимость языков для государства/общества;
- цели и направленность языковой политики государства;
- ситуация обучения (абсолютно искусственная среда, билингвальная/монолингвальная языковая среда, наличие иноязычной поддержки, например, с помощью СМИ, системы Интернет, системы международных обменов; школьная/вузовская среда, семейная среда, локальная и региональная среда обитания).

Формирование социокультурной компетенции студентов при обучении ИЯ с учетом национально-специфической лексики будет проходить гораздо более эффективно, если в рамках использования методической системы, реализующей социокультурный подход как методологическую основу обучения и коммуникативно-когнитивный метод как теоретическую основу технологии обучения, за основу положений социокультурного подхода к обучению ИЯ взять следующие критерии.

1. Построение адекватной модели обучения ИЯ (предполагает предварительное изучение социокультурного контекста неродных языков, социокультурного контекста обучения ИЯ в конкретной стране и конкретной национальной среде с учетом кросс-культурных влияний других цивилизаций и цивилизационных пластов).

2. Существенное усложнение социокультурных функций преподавателей ИЯ в условиях постоянного расширения и углубления сфер межкультурной коммуникации в современном мире в целом и в России в частности требует глубинного реформирования языкового бикультурного образования посредством его «глобализации», гуманизации, экологизации и культуроведческой социализации его содержания с учетом рекомендаций ЮНЕСКО по вопросам образования в духе мира, уважения прав человека, с ориентацией на диалог культур как философию образования.

3. Многоаспектное социокультурное образование (общекультурное, страноведческое, лингвострановедческое, социолингвистическое) — обязательный компонент языковой подготовки студентов в XXI в., когда условия общепланетарного бытия на Земле позволяют значительно расширить круг людей, выступающих в функции субъектов диалога культур.

4. Междисциплинарной базой для социокультурного образования средствами ИЯ служит страноведчески маркированное культуроведение, посредством которого обогащаются знания обучаемых о социокультурном портрете изучаемых языков, стран и регионов, народов, об историко-культурном фоне их развития на основных этапах движения человеческой цивилизации, о культуре взаимодействия индивида и государства, общества, природы и человека, различных социумов и индивида с самим собой, культуры межнационального общения в соизучаемых сферах.

5. В качестве методической доминанты при социокультурном подходе выступает иерархическая система проблемных иноязычных заданий, представляющих собой социокультурные познавательно-поисковые задания и проекты наряду с коммуникативными и коммуникативно-познавательными заданиями, а также междисциплинарные коммуникативно-ориентированные игры (включая ролевые/деловые игры), которые направлены на создание максимально возможных условий для проявления позитивного личностно образующего потенциала иностранного языка как учебного предмета.

6. Моделируемая дидактическая среда с точки зрения социокультурного подхода призвана создать обучаемым условия для овладения нормами межкультурного общения на соизучаемых языках (родном и иностранном) с учетом планируемого уровня овладения коммуникативными умениями.

Использование описанных критериев в данной методике могут быть с успехом применены в практике преподавания ИЯ в неязыковых вузах, а также при создании учебных материалов (учебников, учебных пособий, методических рекомендаций) на разных иностранных языках. Дополнительным фактором, определяющим эффективность методической системы, реализующей социокультурный подход как методологическую основу обучения и коммуникативно-когнитивный метод как теоретическую основу технологии обучения, служит положительная оценка студентами использования в учебном процессе стимулов к речемыслительной деятельности, к межкультурному общению. Подобная позитивная оценка может рассматриваться как предпосылка развития у студентов высокого уровня профессиональной иноязычной деятельности и в условиях естественного функционирования ИЯ, и в искусственно создаваемой среде.

Таким образом, изучение национально-специфической лексики при обучении иностранному языку с целью формирования социокультурной компетенции является важной задачей, так как включение в лингвистический анализ социального измерения дает возможность глубже проникнуть в саму природу языка, полнее выявить условия его функционирования и динамику его развития, позволяет представить в новом свете картину языка как социально-культурного явления [6].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — С. 381—390.
- [2] *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). — М.: Междунар. отношения, 1975. — С. 15—25.
- [3] *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — М.: Изд-во Московского университета, 1973. — С. 53—68.
- [4] *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. — С. 36—58.
- [5] *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. — М.: Высшая школа, 1986. — С. 55—60.
- [6] *Михеева Н.Ф.* Современные подходы к развитию российского образования как поликультурного, полилингвального пространства // *Языковое образование в национально-культурном наследии России: исторические традиции, современность, взгляд в будущее*: Сб. науч. тр. — М.: АПЛ и ПРО, 2006. — С. 31—36.
- [7] *Томахин Г.Д.* Реалии — американизмы. Пособие по страноведению. — М.: Высшая школа, 1988. — С. 5—12.
- [8] *Томахин Г.Д.* Реалии в языке и культуре // *ИЯШ*. — 1997. — № 3. — С. 13—16.
- [9] *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). — М.: Высшая школа, 1983. — С. 151—172.

FORMATION OF SOCIOCULTURAL COMPETENCE OF STUDENTS WHEN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TAKING INTO ACCOUNT NATIONAL-SPECIFIC LEXICON

I. Saranina

The department of the foreign languages
Institute of the foreign languages
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article says about the role of interrelation of language and culture, and also about the realities transferring certain national specificity. Affirms, that studying national-specific lexicon when teaching a foreign language forms sociocultural competence of students.

Key words: foreign language, sociocultural competence, national-specific lexicon, reality, external linguistics.

НАШИ АВТОРЫ

Анахаева Алима Алибиевна — аспирантка кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: anahalima@mail.ru)

Аскарова Екатерина Сергеевна — студентка кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: askarovaekaterina@gmail.com)

Архипова Светлана Анатольевна — аспирантка кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: floppyhum@mail.ru)

Ахмедова Фатима Ахатовна — соискатель кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: anaxenomom@mail.ru)

Багана Жером — доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка БелГУ (e-mail: baghana@yandex.ru)

Бекеева Анна Рапкатовна — аспирантка кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: annabeck@radio.fm)

Закоян Лилит Мясниковна — кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета Ереванского государственного университета (e-mail: lilitzmk@yahoo.com)

Ивашкевич Ирина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка гуманитарных специальностей ФМО Белорусского государственного университета (e-mail: alontsevs@yandex.ru)

Кадилина Ольга Анатольевна — старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Кубанского государственного университета (e-mail: olkad@mail.ru)

Кривошлыкова Людмила Викторовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: lvk1404@mail.ru)

Маслова Ольга Валерьевна — соискатель кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: olgamaslova.2010@mail.ru)

Михеева Анастасия Валерьевна — соискатель кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (e-mail: nastyamikheeva@mail.ru)

Михеева Наталья Федоровна — заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета РУДН, доктор филологических наук, профессор, академик МАН ВШ (e-mail: mikheeva_rudn@mail.ru)

Невмержицкая Юлия Петровна — соискатель кафедры иностранных языков Сочинского института (филиала) РУДН (e-mail: alpol@rambler.ru)

Полякова Александра Александровна — заведующая кафедрой иностранных языков Сочинского института (филиала) РУДН, доктор педагогических наук, профессор (e-mail: alpol@rambler.ru)

Пушкина Анна Владимировна — старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: pushkina4@yandex.ru)

Рядчикова Екатерина Николаевна — заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Кубанского государственного университета (e-mail: ren@phil.kubsu.ru)

Саранина Ирма Игоревна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4 ИИЯ РУДН (e-mail: irma_mill@mail.ru)

Сибатров Виталий Евгеньевич — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: sibatrov@yandex.ru)

Трещева Наталья Васильевна — старший преподаватель кафедры французского языка БелГУ (e-mail: Trescheva@bsu.edu.ru)

Чжан Юэбо — аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета РУДН (e-mail: yang-yang_zhang@mail.ru)